Сергей СКОРЫЙ

МНЕ В ТАВРИЙСКУЮ ГАВАНЬ...

Крымские мотивы в поэзии и прозе

Сергей СКОРЫЙ

МНЕ В ТАВРИЙСКУЮ ГАВАНЬ…

Крымские мотивы в поэзии и прозе

КИЕВ
2014

УДК 821.161.2
ББК 84Ук(Р)
С 44

Издание осуществлено при поддержке кандидата философских наук Елены Александровны АЛЕКСЕЕНКО.

Сергей Скорый.
С 44 Мне в Таврийскую гавань… Крымские мотивы в поэзии и прозе. — Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк», 2014. — 136 с.

ISBN 978-966-373-744-7

В книгу вошли поэтические и прозаические произведения, посвящённые крымской тематике, написанные автором на протяжении продолжительного периода — с 1960-х годов по настоящее время. Значительная часть из них публиковалась в авторских поэтических сборниках, а также журналах, альманахах, антологиях. Вместе же они представлены впервые.

УДК 821.161.2
ББК 84Ук(Р)

При оформлении книги использованы мотивы акварелей Максимилиана ВОЛОШИНА.

ISBN 978-966-373-744-7
© С.А.Скорый, 2014
© ФОП «Видавець Олег Філюк», 2014

Я опять пришёл на встречу с вами, родины долины и леса…

Любезный читатель!

Эта небольшая по объёму книга — дань любви и уважения к моей замечательной малой родине — Тавриде. На этой земле прошли моё детство и юность, началась зрелая жизнь. Здесь я окончил школу, политехникум, Симферопольский (Таврический) университет.

Мне посчастливилось родиться в Старом Крыму — маленьком, старинном, зелёном городке Юго-Восточного Крыма, известным в средневековье под именами «Солхат» и «Эски-Керим». Он имеет удивительную природу, целебный климат, богатую историю и издавна является некой Меккой для представителей русской культуры и литературы в частности. Думаю, неслучайно именно здесь, на солхатской земле, ещё в детстве, у меня проявился глубокий интерес к древней истории и русской словесности. В конечном результате это повлияло на выбор основной профессии — «археология», чему я и посвятил большую часть жизни. Что же касается литературы (и в первую очередь — поэзии), то она всегда была рядом.

Первые стихи были написаны в 1960-х годах. К этому времени относятся и первые публикации моих произведений в крымских газетах. Основным содержанием поэзии данного периода, помимо интимной лирики — что свойственно многим, пишущих в юности, — являлись темы любви к малой родине, окружающей природе и истории Юго-Восточного Крыма.

Разумеется, со временем, тематика моих стихов в определённой степени менялась (что вполне естественно), но крымские мотивы всегда оставались и остаются в ней весьма значащими.

К сожалению, в силу загруженности основной работой, я долгие годы не мог уделять должного внимания литературным занятиям. Положение в определённой степени изменилось к началу 2000-х годов, когда у меня — с небольшим интервалом в Киеве, Симферополе, Полтаве — было издано несколько поэтических сборников.

В последнее время стараюсь расширить свой творческий диапазон: пробую себя в публицистике, прозе, переводах.

Очевидно, судьбе было так угодно, что я оказался оторванным на несколько десятилетий от крымской земли: уже более

30 лет живу в Киеве. Но при малейшей возможности все эти годы я приезжал и приезжаю на полуостров, где — «всё родное мне и близкое». Здесь — мои корни, отчие могилы, здесь, слава Богу, живут ещё мои добрые друзья, многие уважаемые и любимые мной люди…

Здесь хорошо дышится и легко пишется…

Сборник состоит из двух частей — поэтической и прозаической.

В поэтической — собраны стихи, в той или иной мере связанные с крымской проблематикой. Хронологически они охватывают несколько десятилетий: с середины 1960-х до настоящего времени. Все стихи имеют даты, а потому есть возможность проследить поэтическую и мировоззренческую эволюции автора, коль таковые имеют место. Но при этом — будь слегка снисходителен, добрый читатель, к моим ранним стихам: они созданы молодым человеком и отражают реалии тех далёких годов. Думаю, сейчас эти стихи во многом были бы иными. Но не сомневаюсь — они бы утратили первозданную свежесть и распахнутую доверчивость чувств, присущих только юности…

Прозаическая часть книги включает десять новелл, написанных совсем недавно, мемориальный очерк и два эссе.

Шесть новелл составляют «ностальгический» цикл «Шестидесятые далёкие года…». Они — во многом автобиографичные и основываются на реальных фактах. Учитывая последнее обстоятельство, я позволил себе слегка изменить имена главных персонажей. В новеллах отражён ряд наиболее ярких, запавших в память эпизодов из моего крымского детства и юности или явлений более широкого общественного порядка.

Цикл «В то лето в экспедиции…» посвящён нескольким трагикомическим случаям, с которыми пришлось столкнуться в одной из крымских экспедиций, на заре моей археологической деятельности, ещё в студенческие годы.

Завершает книгу небольшой очерк о встречах с Григорием Николаевичем Петниковым — старейшим русским литератором, современником Александра Блока и Сергея Есенина, Владимира Маяковского и братьев Бурлюков, более десяти лет прожившим в Старом Крыму, а также два эссе, различные по тематике.

Большинство из этих произведений было опубликовано ранее — в авторских или коллективных сборниках, литературных журналах, альманахах. Вместе же они — собраны впервые…

Сергей СКОРЫЙ

ПОЭЗИЯ

Шелестят туманы

Шелестят туманы под ногами,
дышит ранней свежестью роса…
Я опять пришёл на встречу с вами,
родины долины и леса.

Я ваш тихий зов вдали услышал,
разве мог забыть я эту синь?
Глажу серый камень Агармыша,
волосы зелёные осин.

Это, всё родное мне и близкое,
доверяю песне и мечте…
Поклонюсь сегодня низко-низко я
крымской нашей скромной красоте.

1967

Старому Крыму

Столичный житель назовёт тебя деревней,
что мне до этого, возможно, он и прав,
но лишь тебе, мой маленький и древний,
все песни сердца на семи ветрах.

И вся любовь, и все моё дыханье
тебе, мой город у Агармыша…
Здесь где-то детство, в путь собравшись дальний,
протопало по улочкам спеша.

Здесь где-то, повзрослев, весною звонкой,
в дурмане лип впервые утонув,
Я встретил нежную и гордую девчонку
и тайную в себе открыл струну…

1968

Я снова здесь

Пой, пой о радости, взволнованное сердце —
я снова здесь, в краю лесов и гор!
Дурманит запах, мне знакомый с детства, —
наш сад разжёг сиреневый костёр.

Подруга-речка! Милые поляны!
Я не забыл о вас в другом краю…
Когда-то в детстве, на заре багряной,
вы в душу влили песенность мою.

А тополя, как руки, ветви подняли:
пьют неба синь невидимым ведром…
Я снова здесь, частица милой родины,
мой незабытый добрый крымский дом.

1968

У могилы Грина

Луч скользнул по горе и упал
на поросшую лесом долину…
Уводила сквозь зелень тропа
на могилу писателя Грина.

Был рассвет. Нити солнца огромного
золотой паутиной повисли…
У надгробия этого скромного
Я пытался читать свои мысли.

Становился здесь каждый романтиком,
если сердцем был смел или светел…
Ветром Севера, ветром Атлантики
пахнет южный задиристый ветер.

Слышал я в грозовое ненастье,
будто плещут здесь волны залива,
и колышутся ветви, как снасти,
и скрипит старой мачтою слива…

Я немного и сам из мечтателей,
мне увидеть пришлось в небесах
над тенистой могилой писателя
алых зорь, крымских зорь паруса.

1968

Агармыш

Я вылез, от холода ёжась,
из каменной той конуры
увидеть, как солнце проложит
свой путь на вершине горы.

Зевает проснувшийся ящер —
гора с можжевеловой кожей,
и солнце лучи блестящие
плетёт в золочёные вожжи.

И пригоршней чудо-пшена
рассыпалось пение птиц…
Ночная ушла тишина
под свисты озябших синиц.

1970

Восточные стихи

Над мавзолеем Алемдара —
в ночи звезда…
Ты знаешь, мы совсем недаром
пришли сюда.

Вновь старине туманной дань я
решил отдать,
тебе забытое преданье
здесь рассказать…

Гяур нанёс на поле бранном
мечом удар,
и рухнул ниц любимец хана —
бей Алемдар.

Тогда, полой стирая с ока
слезы елей,
надежда и заря Востока
так повелел:

— Построить воину Аллаха
за все дела
могилу дивную для праха,
и пусть мулла,
печальной песнею намаза
тревожа день,
к нам призывает раз от раза
батыра тень.

Жене ж, веленьем нашей силы,
лицо закрыв,
скорбеть у дорогой могилы
до той поры,
покуда в камне углубленье —
судьба — не рай! —
слезой наполнится моленья
по самый край.

Смеёшься. Волосы, как птицы,
слетают с плеч:
— Да так ведь выпадут ресницы,
коль не беречь!

Смешно.... Уйду на неудачу
я в мир иной,
ресниц жалея, не заплачешь
ты — надо мной.

1968

Последний консул

В 1475 г. генуэзские колонии Крыма были захвачены турками. Гарнизон Солдайи (совр. Судак) во главе с консулом Христофоро ди Негро не капитулировал и был полностью истреблён.

Свет лунный, словно пыль седая,
рассыпанная по векам...
Близ Санто-Кристо спит Солдайя —
ни шороха, ни огонька.

Лишь только стража, с перебранкой,
пройдёт, ботфортами стуча,
и снова — тишь, да в окнах замка
мерцает бледная свеча.

Отлитый полумраком в бронзу,
печалью высвечен до пят,
достопочтенный муж и консул
сидит, бессонницей объят.

Сын славной Генуи и воин,
а здесь в Солдайе — царь и бог,
он мрачен и обеспокоен,
и на лице следы тревог
свой отпечаток наложили...
А Генуя — так далека,
а сам решить, как быть — не в силе,
и старчески дрожит рука.

Увы, изменчива судьба...
А неизвестное — пугает.
Бунтует в Кафе голытьба,
не взбунтовалась бы в Солдайе.

Аргузии — изрядно пьют,
и строят козни ди Гуаско...
Сомнений вихри, мыслей пляски
уснуть ди Негро не дают.

Что принесёт грядущий день?
Светлело что ли бы скорее...
Ночь, как глаза Менгли-Гирея,
на душу нагнетает тень.

Свет лунный, словно пыль седая...
И в ожидании резни
забылась душным сном Солдайя,
прикрывшись веками бойниц.

Но, укрепясь в решеньи грозном,
в рассвет, как шпаги остроту,
несёт ди Негро — «Чёрный консул» —
свою последнюю мечту...

1975

Санто-Кристо — крепость Святого креста в Судаке.
Кафа — генуэзское название Феодосии.
Аргузии — конные стражники, находящиеся на службе у консула.
Ди Гуаско — братья, влиятельные генуэзские феодалы, творящие произвол и беззаконие в сельской округе Солдайи.
Менгли-Гирей (Герай) — крымский хан.
Христофоро ди Негро иногда именовали «Чёрным консулом».

Эллинские мотивы

У дивных храмов Херсонеса
над Эвксинским лазурным Понтом
я увидал тебя однажды,
смотрящую игру дельфинью…
В гимматии полупрозрачном,
в сандалиях на босу ногу,
с распущенными волосами —
потоком золотым звенящим.

Клянусь я Гелиосом, Геей
и силой славного Геракла —
средь эллинок всех дивноглазых
не видел я красы подобной.
Потом ты снова мне явилась
пеннорождённой Афродитой:
из волн в набедренной повязке
ты вышла, брызгами играя…

О, Боги! Я почти — повержен
И падать ниц уже собрался,
чтоб целовать следы без меры…
когда услышал глас Сирены…

Нет! Звук презренной — иномарки…
Кричал её хозяин что-то
бездарнокрашенной блондинке,
бесстыднооголённой мини…

1976, 2011

Я рожденьем — крымчанин

Я рожденьем — крымчанин
и по духу таков,
но давно я отчалил
от родных берегов.

Волны вспенили спины,
ветер рвал паруса,
и мечты, как дельфины,
веселили глаза.

Море в бешеном танце
закружило меня,
а удача «голландцем»
ускользала, маня.

Курс надёжный едва ли
отыскать в суете…
Мы к земле приставали,
да причалы не те.

Мне в таврийскую гавань
вернуться пора б,
да вот сможет ли плавать
мой уставший корабль?

Ах, какие напасти —
не пойму: отчего
так истрёпаны снасти
корабля моего…

2006

Мой Старый Крым

Вот за окном авто мелькает южный город,
где я родился, где был счастлив, где был молод,
где в узких улочках века
Восток качают на руках,
куда стремлюсь всегда издалека.

Припев

Мой Старый Крым,
всё реже стали мы встречаться.
Души порыв
пускай подарит вновь мне счастье.
И вот с вершин Агармыша
я вниз гляжу, чуть-чуть дыша,
и нашу встречу празднует душа.

Среди лесов и гор, устроившись уютно,
для лучших стал ты и отрадой, и приютом.
Им был не нужен светский грим…
Здесь путь окончил пилигрим,
мечтатель странный Александр Грин.

Припев

Мой Старый Крым,
всё реже стали мы встречаться.
Души порыв
пускай подарит вновь мне счастье.
И вот с вершин Агармыша
я вниз гляжу, чуть-чуть дыша,
и нашу встречу празднует душа.

Здесь рядом новь и старины седой преданья,
ты полуостров одарил своим названьем…
Я пью целебный воздух твой,
и родниковою водой
струятся в сердце радость и покой.

Припев

Мой Старый Крым,
всё реже стали мы встречаться.
Души порыв
пускай подарит вновь мне счастье.
И вот с вершин Агармыша
я вниз гляжу, чуть-чуть дыша,
и нашу встречу празднует душа.

2006

Ноктюрн

Жене моей Людмиле

Лунный свет скользит в ночи с вершин…
Ты не спишь, и шелестят ресницы.
— Спи, родная, пусть тебе приснится
всё, что ты желаешь для души.

Стынет в лужах талая вода
и Восток поёт нам с минарета…
Мы с тобой уже бывали в этом,
только не припомню я когда…

Под горою речка Чурук-Су
льдинки к водопаду с шумом сносит.
День придёт — и лучшая из вёсен
защебечет птицами в лесу…

А пока, что, милая, усни…

2006

Послелетняя Феодосия

Послелетняя Феодосия.
Дикий пляж поостыл от тел.
Море Чёрное, с лёгкой проседью.
Первый жёлтый лист пролетел.

И хоть мир стал скупее красками,
он по-южному прелести полн.
Понт Эвксинский, по-прежнему, ласково
гладит тело ладошками волн.

Богом данная, в межсезонье —
это всё, что так нужно мне…
И душа царит в беспризорье
с вечным морем — наедине.

2006

В Феодосии — дождь

В Феодосии — дождь,
он ломает курортникам планы.
Где же бархат сезона,
коль пляж Золотой опустел?
И заезжие «звёзды»
здесь реже, хотя без обмана,
душу радуют пеньем,
а глаз — амплитудою тел.

Ноги в мокром песке,
но пойду постою на причале:
он бетонною грудью
таранит седую волну.
И в солёные брызги
срываются с криками чайки,
впечатленье такое,
как будто хотят утонуть.

Ветер с моря подул,
пригибая деревьев верхушки.
Слишком ранняя осень,
быть может, в Крыму неспроста…
Под дождем бронзовеет
Александр Сергеевич Пушкин,
на прогулку он вышел
сегодня, увы, без зонта.

2007

Вдоль генуэзских древних стен

Слегка дождливой, ранней осенью,
страдая от нехватки тем,
пойду бродить по Феодосии
вдоль генуэзских древних стен.

Я знаю, центра новь картинна,
но дар для сердца и ума —
мне узость улиц Карантина,
Форштадта низкие дома.

Здесь, как нигде, былого тени
и шелесты ушедших слов.
Здесь в камне выбиты ступени
тяжёлой поступью веков.

2007

На пирсе осеннем

Город впал в летаргию
и дрейфует в тумане.
Дождь прохладный смывает
летний пыл и пороки…
И южан погулять —
калачом не заманишь,
но на пирсе темнеет
силуэт одинокий.

Море сонно вздыхает,
море дремлет так чутко.
Ну, конечно же, дама,
зонт, как символ спасенья…
Неужели любовь —
всепогодное чувство —
увлекло за собою
в этот вечер осенний?

Но так где же избранник,
что же медлит на встречу?
Ах, какие духи
и с изыском одежда…
И совсем не понять,
почему в этот вечер
огоньком сигареты
догорает надежда.

Я печальный сюжет
не посмею нарушить.
Я всего лишь чудак,
сочиняющий строки,
и совсем не понять,
что ж так трогает душу
мне на пирсе осеннем
силуэт одинокий.

2007

Урок чистописанья

Озабочен первый класс вновь чистописаньем,
тишину тревожит лишь лёгкий скрип пера…
Кто-то прикусил язык — явно от старанья,
помню всё отчётливо, будто бы, вчера.

Для меня заданий ряд — просто не решаем:
то не тот нажим пера, то не тот наклон,
а сосед по парте мой — Санечка Гришаев —
написал по правилам всё, что нужно, он.

Соберёт тетрадки все наша Нин Степанна,
и заданий набело не переписать…
И куда б потом нога наша ни ступала,
там писать свою судьбу каждый станет сам.

Ах, как нам светил успех, вот мы вверх и лезли,
но вершина миражом всем была не раз…
Вкупе — случай роковой, водка и болезни
по пути движения выбивали нас.

Впрочем, мы свои пути выбирали сами,
кто-то даже не достиг возраста Христа…
И уполз за облака друг Гришаев Саня,
лет пятнадцать прохворав, на ноги не встав.

…Озабочен первый класс вновь чистописаньем,
тишину тревожит лишь лёгкий скрип пера,
кто-то прикусил язык, явно от старанья…
Лет полста уже прошло — помню как вчера.

2007

Памяти Юлии Друниной

Старый Крым. Середина июля.
На погосте — трава да кусты.
На могилу Друниной Юлии
я несу полевые цветы.

Милый друг, преклонить колени мы
в этом месте с тобой должны
перед ней и её поколением,
обожжённым огнём войны.

И причин ухода не трогая,
я скажу: — Нет поэта вины!
Пережить удалось ей многое —
кроме краха родной страны…

2009

В поисках образа и красоты

Поэту
Геннадию Львову

В сети курортной попав суеты,
но в этом не видя горя,
в поисках образа и красоты,
поэты бродили у моря.

Вокруг добродетели и грехи
цвели, до смешного похожие…
Поэты друг другу читали стихи —
и удивлялись прохожие.

Простите им этот духовный пир,
для них он — многое значит…
Поэты взирают на этот мир,
ей-богу, совсем иначе.

2010

На малой родине

Май как будто стремится
навстречу июню —
Удивительно быстро
отцветает сирень…
В этом городе был я
счастливый и юный,
и из памяти это —
не убрать, не стереть…

Вновь по улочкам узким,
где асфальта нет гнёта,
как в тенистых аллеях,
брожу допоздна,
и мечтаю наивно,
что встречу кого-то,
кто б меня, пусть не сразу,
но всё же — узнал…

Ах, смешная затея,
мой город старинный!
Годы сделали дело
и скрылись, звеня…
Я здесь ныне — чужой,
лишь седые руины,
присмотревшись, похоже,
узнали меня…

2010

Тарханкут

Археологу
Сергею Ланцову

Подпрыгивая на горбах,
авто выплясывает танец…
Какая странная судьба:
в родном Крыму — я иностранец.

Но открывает Тарханкут
свои просторы, как объятья,
и со стыдом хочу сказать я:
— Что ж раньше не бывал я тут!

В морскую даль летит земля
под парусами древних мифов.
Здесь эллинов следы и скифов
хранят полынные поля.

В роскошном беспорядке скал
нас манит мир глубин и дразнит…
Здесь Крым дивит многообразьем,
здесь всё, что долго я искал.

2010

Тарханкутская лагуна

Чтоб меньше было бед и горя,
а чаще пели соловьи,
Господь соорудил средь моря
лагуну чистую любви.

Невелики её размеры,
но впечатляет глубина…
Нырнёшь — и обретаешь веру
в любовь, не знающую дна.

А коль не веришь, то поди ты…
попей креплёного вина…
Вполне здесь схожа с Афродитой
моя законная жена!

2010

Есть в Феодосии старинной…

Поэту
Геннадию Львову

Есть в Феодосии старинной,
не там, где порт и корабли,
а где гора вздымает спину —
клочок причудливой земли.

Здесь в летний зной одарит тенью
нас островок лесной тиши…
Задумчивое запустенье —
отрада для моей души,

Обитель славного поэта…
Без стен и крыши кабинет.
Здесь мы вкушали знойным летом
рубиновое «Каберне».

Стихи струились, сердце грея,
скользили мимо нас века…
Взлетали ямбы и хореи,
как стая птиц, под облака.

И кубок поднимая снова,
я говорю: — Что нам тужить!
Ведь с нами Бог! И с нами Слово!
А в Слове — бесконечна жизнь!

2010

Орджоникидзе

Феодосийских дней завал
сняв, словно с окон паутину,
возьму, рвану на перевал,
где цепь гористую прорвав,
шоссе змеится серпантином.

Визжат щенками тормоза,
маршрутка кренится, как лодка,
но вдруг бесценную находку
подарит щедро мир глазам,
их синью моря обласкав, —

Орджоникидзе — в чаше скал!

2010

В дикую бухту Двух Якорей

Анатолию и Наталье

Тайны морские брезжат на дне…
Синий залива полуовал
летом меня на несколько дней
от суетливых глаз укрывал.

Из Богом данной мчался скорей
к ломтику этой крымской земли —
в дикую бухту Двух Якорей,
к серой громаде мыса Ильи.

Есть первозданность в этой красе,
и для меня — подарок судьбы…
Здесь я, забыв тяготы все,
счастлив свободой временно был.

2012

Богом данная — Феодосия (*др. греч.*)

* * *

Сегодня я себе с любовью потакаю,
близ моря я брожу и рядом — никого…
Лишь зверствует вода разбойная такая,
что, кажется, штормит уже который год.

В уединеньи — смысл, в соседствах — нет резона,
пусть мозг мой отдохнёт — уставший серый вол…
Покрепче коньяка воздействие озона,
летящее ко мне в дыханьи пенных волн.

2012

Ты, Цицерон, был прав!

В заливе — белый лебедь,
ах, как прекрасен он…
На пляже — «бизнес-леди»
терзает телефон…

Слова — почти снаряды
в эфир, свистя, летят,
пространные тирады —
то блатнячок, то мат.

Песок ногою роет,
ну, право, ё-моё!
То, как волчица, взвоет,
то верещит свиньёй.

Господь её, ну, как бы,
ничем не обделил…
Но вот от страха крабы
покинули залив.

И мне уж не до моря —
вещички я собрал…
— O tempora, o mores! —
ты, Цицерон, был прав!

2010

O tempora, o mores! — О времена, о нравы! (*лат.*).

О, нет, сентябрь — благословенен

Волне наката шагом вторя,
в плену вполне приличных дум,
как «пёс, бегущий краем моря»,
песчаным берегом бреду.

Вот календарный финиш лета,
нет солнечного куража…
Мой друг, а вдруг на осень вето
нам наложить и продолжать

полуденные эти страсти,
где мёд сменялся на полынь,
где в дьявольской иль в божьей власти
легко и так бездумно плыть...

О, нет, сентябрь — благословенен,
а этот воздух — бархатист…
И пусть слегка желтеет лист,
и кровь течёт спокойней в венах…

2012

Вполне холодными глазами

Дождь за окном, представьте, лил:
в Крыму — весенняя стихия…
Курил и пил, тебя хвалил,
а заодно твои стихи я.

Но явно были — невпопад
мои слова с твоим молчаньем,
и воздух полнился отчаяньем
от сказанного наугад.

Крепчал непониманья лёд —
не сдали встрече мы экзамен…
Расстреливались чувства влёт
вполне холодными глазами.

В весну войти ты не смогла,
себя, как в раму, вставив в осень…
И сердце билось птицей оземь,
сложив, для верности, крыла…

2011

Не парады и не награды…

Среди развалин Джантары,
Вдоль южной глиняной ограды,
Как в кегельбане для игры,
Стоят забытые снаряды

(Константин Симонов. «Дожди»)

По-июньскому небо ярилось,
сжечь пытаясь все зеленя…
Археолог Саша Гаврилов
в Крым Восточный вывез меня.

Не испорчены с ним мы бытом,
взяв воды да скромный паёк,
на авто тряслись по избитым,
по путям жестоких боёв.

Солнце — ярче начищенной меди,
плавит день степная жара…
— Вот смотри — говорит — мы едем
из Корпечи на Джантара..

(Мне бы моря сейчас немного.
Выгорает неба сатин…)
— Грязь месил на этих дорогах
сам ведь Симонов Константин

в 41-ом, — вещает Саша,
он знаток этих самых мест, —
Сколько здесь безымянных, павших,
что в могилах лежат и без…

…Не парады и не награды
не нужны этой горькой земле…
Здесь война — совершенно рядом,
а не там — за 70 лет…

2011

Здесь степь в сороковых сгорала…

Здесь волн морских гудит набат.
Азов швыряет мотоботы.
Восточный Крым. Степь. Арабат.
Вдоль Сиваша темнеют доты.

Здесь машет тень войны крылом.
Здесь степь в 40-х сгорала.
Здесь столько тысяч полегло —
от рядовых до генерала.

Не потому ль, не потому ль
так брызжут алой кровью маки…
И чудится здесь пенье пуль,
и тишину рвёт гул атаки…

2011

На руинах Арабатской крепости

Шуршат современья будни
и в такт азовской волне —
«Sic transit Gloria mundi!»
на память приходит мне.

Руины османской твердыни,
подход стерегущей в Крым…
Внушительно и поныне
наследие той поры.

Здесь властвовали янычары,
шайтана коварней и злей…
а нынче — всё одичало,
на камнях лишь кольца змей.

Фельдмаршал отважный Миних
османскую крепость взял…

На пляже — дамы в бикини,
и сёрфинги вдаль скользят…

Шуршат современья будни,
и в такт азовской волне —
«Sic transit Gloria mundi!»
на память приходит мне.

2011

Sic transit Gloria mundi! — Так проходит мирская слава! (*лат.*).

У могилы Волошина

Здесь давно — не тропа, а дорога:
недостатка в поклонниках нет…
И почти на ладонях у Бога
вечным сном почивает поэт.

Коктебель. Ниже — домики-соты.
Горько пахнет степная полынь…
А вокруг мир спасают красоты —
море, скалы, глубины долин.

Утонуть в красоте ты не против,
притягательно это — всегда…
И темнеет волошинский профиль
на отроге горы Карадаг.

Прикоснётся к лицу лёгкий ветер,
словно Макса живая душа…
Шепчет строки задумчивый вечер
на вершине Кучук-Янышар.

2011

Кизил-Таш

Вверх уводит тропа, будто лестница в небо, веками
шли по ней богомольцы, отринув житейскую блажь…
Вот и я здесь с мечтой: посетить монастырь Красный Камень,
что звучит по-татарски — красиво вполне — Кизил-Таш.

То ль природы кураж, то ль Господь здесь решительным жестом
этой крымской земле подарил совершенства черты…
И светлеет душа, и в душе поселилось блаженство
пред величием этой — такой неземной красоты.

Над ущельем, как свечи, расставлены скал исполины,
и темнеют на них водружённые кем-то кресты…
Шепчут губы невольно слова позабытой молитвы,
и теплеет на сердце, успевшем давно поостыть.

2011

Пусть пора не курортно-сезонная…

Я не летом и даже — не осенью,
а зимою вполне календарной
оказался опять в Феодосии,
грант судьбы получив благодарно.

Да январь ли? Ни снега, ни льдинок,
растворяется город в теплыни…
Белоснежность красы лебединой
нас чарует в прибрежном заплыве.

Пусть пора — не курортно-сезонная,
но приезжий народ здесь фланирует,
коньяки и вино дегустирует,
наслаждаясь морскими озонами.

2012

Брожу я тихим Старым Крымом…

Январь. Над крышей кольца дыма.
Машин не докучает шум.
Брожу я тихим Старым Крымом
и дивным воздухом дышу.

Лишь тишину тревожит живность —
солируют в ней петухи…
И, уж поверьте: так сложилось,
что здесь рождаются стихи.

О, воздух родины! Как чист ты
и звонок — я бы так сказал…
В тебе — восточные мониста,
в тебе — славянская слеза…

2012

Не соловьи — Валерий Ободзинский…

На кладбище грустили соловьи
о всех ушедших в срок или до срока…
И шелестел на фото светлый локон
девчонки, не дожившей до любви.

А дальше, в ряд, вон — сверстники мои,
давно уж прописались на погосте…
Я ненароком заглянул к ним в гости,
чтоб помолчать и поклониться им.

Тот — под крестом, а этот — под звездой…
Их лица юны и полны надежды.
Я и они. И срок лет 40 между.
И я бесповоротно весь седой.

Но всё же чувства — не скупой паёк:
в глубинах глаз — предательски слезинки…
Не соловьи — Валерий Ободзинский
нам песни нашей юности поёт…

2012

И одичавший плод черешни…

Скользит сквозь заросли тропа,
минуя перевалов спины…
Вершину Карасан-Оба
венчают древние руины.

Здесь в очагах — эпох зола.
Вот эллинской обломок тары,
а рядом — скифская стрела
и грубый скол посуды тавров.

Орлиный клёкот в облаках,
как будто голос предков вещий…
И одичавший плод черешни
летит к нам через все века.

2012

Лежал в долине древний город…

Мы по холмам, всё круче, круче,
Шли. Силуэт Агармыша
напротив плыл в тяжёлых тучах,
дождливым парусом шурша.

Был вечер — прян. Был ветер — горек.
А поступь наша — нелегка…
Лежал в долине древний город,
подмяв под голову века.

Солхат — наследье грозных ханов,
а ныне — тихий Старый Крым…
И над орехом вился дым,
и город кутался в туманы.

2012

Только в Крым…

Под колёсный ритмический степ
на знакомства мне вновь повезёт…
Синим полозом поезд ползёт
через знойную южную степь.

Мне бы взять — да осваивать Рим
не в угоду капризной душе…
Ей решительно ясно уже —
только в Крым, только в Крым, только в Крым!

Мозг на душу обидой горит:
Ну, на кой тебе Крым, на какой?
Но за окнами — снова Джанкой
и восточный вполне колорит.

Встанут горы. И вспыхнет листва.
И опять — кипарис и миндаль.
Юг Тавриды. Безбрежная даль.
Синева, синева, синева.

1—11.05.2013

И этот кусака в моём кулаке

А, может быть, счастье — штанины задрав,
устраивать морю весёлый аврал,
шугая прибрежную живность…
Вот крабья нахально-бессчётная рать
под камень пытается мигом удрать.
Один не успел. Не сложилось.

И этот кусака в моём кулаке,
и грустно ему в моей смуглой руке.
Он думает: — Вот чертовщина!
Мы грелись на солнце, и надо ж — беда:
Какой-то незваный явился сюда,
задравший штанины мужчина!

Чего ему шляться по майской воде,
и нос свой засовывать в воду везде?
Уж лучше б совал его в книгу!
Как жаль, что клешнёю скрутить не могу
залезшему в море, бесспорно, врагу
в подарок — здоровую фигу!

3.05.2013

А пред глазами — Ак-Кая…

Беря натужно рубежи,
пыхтит, карабкается джип,
рычит и фыркает, но вот и плоскогорье…
А пред глазами — Ак-Кая,
и снова в потрясенье я
красою циклопичной Белогорья.

Здесь степь, как скифская стрела,
прервать шальной полёт смогла,
у Таврских гор ослабив вдруг порывы…
Стою у мира — на виду,
и лишь захватывают дух
в безумии скользящие обрывы.

Почти отвесная стена…
О, скольких видела она
нырнувших вниз по чьей-то злобной воле…
А мне бы крылья заиметь,
а мне бы ввысь, взмахнув, взлететь
и не упасть на этом крымской поле …

10.05.2013

Крымский август

Грунт растресканный, обезвоженный.
Не жара стоит — сущий зной…
И вниманием обезбоженный
задыхается Крым степной.

Да не только степь… И в лесу — сушняк!
Вспыхнет порохом — спичку кинь…
Ледяной водой больше не манят
эти горные родники.

Поиссохли все. Август пенится.
Ярый солнца круг косит всё…
Если к лучшему не изменится —
море Чёрное — не спасёт!

14.08.2013

У Сиваша

В утреннем тумане матовом
стряхивает сон душа…
На колёса степь наматывая,
мчим в авто вдоль Сиваша.

По обрывам в безрассудности
серебристый бьётся лох…
Север Крыма щедр безлюдностью,
но таит следы эпох.

Сколько, сколько здесь оставлено?
Не сочтёшь их без труда…
И лишь помнит страсти давние
эта горькая вода…

9.09.2013

На Керченский хочу я полуостров…

Влекут Париж нас, Лондон или Осло,
Но дань любви отдам родной земле —
на Керченский хочу я полуостров
попасть в прозрачном крымском сентябре.

За мной друзья заедут спозаранок.
У них — авто. А я уже готов…
И станет степь стелиться самобранкой,
дивя зверьём и запахом цветов.

Полынный ветер непрерывно горек,
но благостен — исчезла суета…
Скалистый берег. Здесь когда-то город
милетских греков жил и процветал.

Ну, а теперь — руины, змеи, пустошь,
обломки амфор, мидий да костей…
И море пожирает с гулким хрустом
античный град по имени Китей.

Ах, звуки жизни, вы куда пропали?
Хочу вас слышать. Силюсь. Не могу…
И лишь порой мне чудитесь в рапанах,
разбросанных на диком берегу.

13.09.2013

Старокрымский мотив

Ночами пение цикад
мотивам вторит муэдзина…
Плывут ордынские руины,
качаясь на волнах-веках.

Мы, ускользая из столиц,
Востока слушаем напевы…
и смуглые на диво девы
волнуют красотою лиц.

И пусть здесь порознь смех и грех
свой путь сквозь судьбы проторили —
Юго-Восточная Таврида
объединяет ныне всех.

4—7.08.2013

* * *

Вы, конечно, завидуйте мне —
я исчезну на несколько дней:
мегаполис стал бить чаще под дых,
а душа нагло требовать отдых —
и нигде-то — в родной стороне.

Чтобы этой конец кутерьме
положить — нужно деньги иметь.
Но решаемы эти вопросы,
застучат вновь по рельсам колёса,
и стучать им — не сотню кэмэ.

Кто и что бы там ни говорил —
Крым с любовью Господь сотворил,
полуостров создав или остров,
только я ощущаю здесь остро —
Крым для Музы моей — материк!

2—3.01.2014

А я лицом окно все плющу…

Автобус наш — довольно старенький
на спусках «пишет» виражи.
Водитель с внешностью татарина
трендит с попутчицей «за жисть».

На склонах лес — всё гуще, гуще,
и скалы небо достают…
А я лицом окно всё плющу —
гляжу на родину мою.

В долине ветры — куролесят,
отары туч гоня окрест.
Мелькнул — мечети полумесяц,
а дальше — христианский крест.

Пыхтит автобус тяжко в гору,
потом легко шуршит с горы…
И перехватывает горло,
когда въезжаем в Старый Крым.

5.01.2014

* * *

В Крыму зима — не та,
хоть море и остыло,
но всё ж милей душе
такие январи…
На пляжах — пустота,
ни суеты, ни пыла,
и радует мне глаз
прибрежный лёгкий бриз.

До звона воздух чист —
я пью его, вдыхая.
Дрейфую вдоль воды,
подобно кораблю…
Как трепетно лучист
лёт лебединой стаи —
здесь кормит гордых птиц
всяк сердобольный люд.

Земле моей родной
мне б поклониться в пояс.
Лишь пребывая здесь,
способен я творить…
Но где-то за спиной
гудит вечерний поезд —
умчит меня, увы,
в иные январи…

7.01.2014

Пусть хороши и Мюнхен, и Париж…

Здесь воздух, словно воду из горсти,
моя душа без устали алкала б,
но эллинов потомок Константин
плеснул нам щедро солнце по бокалам —

Сорокалетней выдержки «Мускат»
вобрал в себя весь аромат Тавриды…
мой трезвый ум в предчувствии корриды
сразиться с хмелем бесконечно рад.

Ликуй, душа, над Родиной пари!
Ведь для тебя давно неоспоримо —
пусть хороши и Мюнхен, и Париж,
но нет роднее и прекрасней Крыма!

3.05.2014

ПРОЗА

НОВЕЛЛЫ

ЦИКЛ «ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ДАЛЁКИЕ ГОДА…»

Оксай, Полька и «летучий голландец

До сих пор, по прошествии значительного времени, не могу понять: почему пацанов из небольшого крымского городка, которыми верховодил Петька Оксаев, называли «бандой» Оксая, и как ему удавалось держать в подчинении иных ребят? На первый взгляд, у этого щуплого, прихрамывающего на одну ногу подростка лидерских задатков вовсе не было.

В моём детстве начала 60-х годов прошлого века веял некий романтический дух. От окончившейся Великой Отечественной отделяло каких-то 18—20 лет. К фронтовикам, особенно калекам, было трепетное, душевное отношение. Следы войны ещё отчётливо проступали: во многих домах хранилась различная амуниция, а в крымских лесах встречалось много нашего и немецкого оружия — винтовки, автоматы, пистолеты. Но, чаще всего, стрелять из него было уже нельзя. Мы разыскивали «наследие войны» где только можно, а затем, во всеоружии, с упоением играли в наших (обычно партизан) и немцев. Иногда при этом «задействовались» лохматые домашние дворняги, выполнявшие роли немецких овчарок.

У пацанов «банды» Оксая «оружия» было, пожалуй, больше, чем у любой иной ватаги. Бандитские же действия оксаевцев сводились, как правило, к налётам на приусадебные участки и реже — к стычкам с другими мальчишками. Нужно отдать должное: эти «акции» под предводительством хромого «атамана» проходили довольно успешно. Наверное поэтому попасть в команду Оксая было — выражаясь современным языком — престижно, и принимались туда далеко не все. Он был, несомненно, кумиром для большинства городских ребят.

Место, где собирались оксаевцы, гордо именуемое «штаб», располагалось в полуразрушенном деревянном сооружении довольно внушительных размеров, в одном из наиболее за-

росших уголков городского сада. Не берусь утверждать, пилось ли там что-либо горячительное, но сам Оксай (лет 15-ти от роду: он был одним из наиболее старших ребят) и кое-кто из его окружения с форсом покуривали папиросы «Беломор», лихо заминая мундштуки.

Любопытно, но «банда» Оксая привлекала некоторых городских девчонок, и мы, пацаны, либо младшие по возрасту, либо не имевшие «счастья» попасть в ряды избранных, с завистью и интересом наблюдали из городского сада, как в «штаб» ходили те или иные «чувихи».

Среди них выделялась четырнадцатилетняя Полька. Она была коренастая, статная, со стройными ногами, имевшими крепкие икры, и не по годам пышными верхними формами. Если к этому добавить мальчишескую стрижку густых тёмных волос и выразительные чёрные глаза под чёлкой — облик Полины в общих чертах представлен. Полька была симпатичной и нравилась многим ребятам и — чего уж скрывать — и автору этих строк.

Но для нас она была абсолютно недосягаема, ну, как луна, на небосводе. А потому, что Полина была девчонкой самого Петьки Оксая! И что их объединяло? Не знаю… Забавно порой их было видеть рядом: она стройная, с гордо поднятым подбородком, он — щуплый, сутулый, ниже её на полголовы. Но что-то же их сближало! Для меня это было большой загадкой… Оксай несомненно гордился своей подругой, вышагивая с ней по городскому саду в окружении приближённых.

И так продолжалось примерно с полгода. А потом… случилось то, что никто из нас даже в фантазиях не мог себе представить. Как-то тёплым летним полуднем мы увидели на тенистой главной улице города, у входа в городской сад, приодетую Польку, и вовсе не с Петькой… Рядом с ней был незнакомый парень, и когда они приблизились, Полька сразу перестала быть предметом нашего интереса. И не только потому, что её спутник, в отличие от Оксая, был рослым, светловолосым и старшим по возрасту.

— Знакомьтесь, — гордо сказала Полина. — Мой дальний родственник, из Голландии!

Голландский родственник Польки улыбнулся и кивнул нам. Мы таращились на него во все глаза. Ещё бы! Это был первый человек «оттуда», с Запада, которого довелось увидеть. И во многом не такой, как мы: иная причёска, модная, неви-

данная одежда, стильная обувь. Помню также тонкий аромат, исходящий от него, явно не напоминающий знакомый нам одеколон «Шипр». Особенно поразили туфли: длинноносые, чёрные, лакированные, с металлическими накладными украшениями. Казалось бы, ну, и что из того! Но эта встреча, почему-то запомнилась на всю жизнь. Может потому, что мы тогда были совершенно другими…

Нескольких дней подряд Поля гордо прохаживалась по городку с голландцем. Конечно, Петьке Оксаю об этом сразу донесли. Но он счёл ниже своего достоинства встречаться с Полиной.

И даже процедил сквозь зубы: — Подумаешь, «летучий голландец»! Как появился, так и исчезнет, а Полька всё равно ко мне вернётся!

В первом Оксай оказался, прав, но Полька к нему больше не вернулась…

Прошли годы. Приехав в очередной раз в родной город, встретил я как-то у пивного ларька сгорбленного, основательно спившегося мужичонку, в котором с большим трудом узнал кумира моего детства и начала юности — «бандита» Петьку Оксая…

26.01.2012

«Вальтер» и «лимонка»

Эти два, почти невероятные эпизода из моего крымского детства объединяет лишь то, что я и мои сверстники начала 1960-х годов напрямую сталкивались со следами той Великой войны, что бесконечно изранила людские души и нашу Землю. А следы эти были ещё не только тёплыми, но и порой губительно-жгучими для тех, кто случайно или неосознанно к ним прикасался. Я имею в виду, прежде всего, отчаянных и не совсем разумных (если судить с позиций моего нынешнего возраста) пацанов. Помню, у Генки, моего одноклассника, прямо на уроке, невесть откуда взявшимся взрывным устройством оторвало пальцы одной руки. Несколько сверстников погибло от взрыва немецкой авиабомбы, специально брошенной ими в костёр. Знакомый мальчишка Валерка, старший меня на пару лет, при невыясненных обстоятельствах застрелил из винтовки Мосина времени войны, в лесу, вблизи города, своего товарища. И подобных случаев, к сожалению, в те годы в нашем маленьком городке было немало…

Но я невольно отвлёкся от основного сюжета. А начало его таково. Два шестиклассника, — я и Вовка Скакунов, по прозвищу «Скакун», успешно проигнорировав нескольких школьных уроков, в приподнятом настроении отправились на речку Чурук-Су, текущую южнее города. Она была извилиста, неширока, мелка и мутновата, вполне соответствуя своему тюркскому названию «грязная» или «мутная вода», о чём, конечно, в те годы мы не ведали. Между тем, в ней водились жирные пескари, вылавливаемые нами с энтузиазмом на простенькие удочки, и раки, которых нужно было доставать руками из нор в глинистых берегах, раздевшись до трусов. Встречались черепахи и ужи, а вот, чтобы были в речке змеи — не припомню…

Цель нашего похода была вполне романтична — пускать по Чурук-Су вырезанные из древесной коры кораблики. А надо сказать, что в деле их изготовления Вовка Скакун был великий мастак. Срезав толстую кору с того или иного дерева, он обычным перочинным ножиком просто вытворял чудеса. Глядишь, и через какое-то, совсем непродолжительное время на его ладошке уже лежат замечательно сделанные лодка или парусное судно! Одним словом, Скакун был — мастер и затейник. Кстати, позже, через несколько лет, именно он стал в нашей компании основным проводником распростра-

нившейся «стиляжьей» моды и именовался уже не банально «Вовка», а гордо — «Вольдемар»…

Мы достигли со Скакуном окраины города, и до речки уже оставалось совсем недалеко. Нужно было лишь пройти заброшенный колхозный сад (или «колхозку» — как называли это место мальчишки) и спуститься к Чурук-Су. А путь в «колхозку» лежал через небольшую свалку, устроенную жителями городской окраины на участке земли, поросшем редким кустарником. Здесь в великом множестве громоздилось всё что угодно, выброшенное из ближайших подворий, в том числе порой весьма занимательные для мальчишек вещи. Идя вслед за Скакуном, через свалку, по хорошо утоптанной тропинке, я крутил головой по сторонам и вдруг заметил настолько любопытный для меня предмет, что замедлил сразу же шаг и крикнул Скакуну: — Вовка, смотри, что это? На боку, слегка присыпанное мусором, лежало нечто, по форме и размерам напоминавшее немецкие плоские алюминиевые котелки: внешний вид их нам хорошо был известен, поскольку в некоторых домах они остались после оккупации и «прижились» в хозяйстве. Но этот котелок был тёмно-коричневого, почти чёрного цвета и, похоже, — не металлический. Присев на корточки, мы стали старательно изучать находку. По бокам предмет имел петли для ремней, металлические, но — не железные. А по центру, от крышки к тулову, располагалась железная скоба-замок, проржавевшая и плотно держащая крышку. Понятное дело: нас страшно занимало — а что же там внутри этого странного котелка? Тем более что он обладал весьма ощутимым весом. Все попытки открыть крышку пальцами ни к чему не привели. И тогда Скакун, зажав котелок коленями, ловко орудуя перочинным ножиком, поддел скобу, поднатужился и рванул в сторону. Скоба отлетела! Внутри котелок был плотно забит какой-то красной тряпкой, которую мы стали старательно вытягивать. Однако она поддалась не сразу, поскольку в неё что-то было завёрнуто. Я никогда не забуду впечатления от того, что мы потом увидели! В «тряпке», которая оказалась полотнищем флага с белым кругом в центре и чёрной свастикой внутри, находилась маленькая кожаная чёрная кобура и рядом с ней — обойма… Нетерпеливо, дрожащими руками я расстегнул кобуру. По размерам — почти игрушечный, но при этом весьма увесистый пистолет, поблёскивая вороненой сталью, лёг на мою ладонь. Он был

великолепной сохранности и имел на одной из сторон чёткую гравированную надпись. Уже тогда мы сообразили, что наша находка — вовсе не котелок, а футляр от бинокля, а пистолет принадлежал какому-то высокому немецкому чину. Конкретную марку оружия мы не знали, но вскоре она нам стала известна, вследствие «печальных» обстоятельств. Отчётливо помню, что патроны по размерам лишь слегка превышали мелкокалиберные.

Сейчас, по прошествии многих лет, я прекрасно понимаю, что надпись на немецком пистолете, нанесённая готическим шрифтом, скорее всего, была дарственной, а само оружие, по-видимому, являлось наградным… Почему пистолет и полотнище фашистского стяга попали в футляр из-под бинокля? Могу лишь предположить, что кто-то (высокопоставленный немецкий офицер?) хотел спрятать и пистолет, и упомянутый флаг, чтобы забрать в дальнейшем. Что-то помешало… Ещё труднее понять, как этот футляр оказался на свалке? Можно, конечно, допустить, что его обнаружил после ухода немцев из города один из жителей близлежащих домов, возможно, преклонного возраста, и за ненадобностью выбросил. Между тем, сложно себе представить полное отсутствие любопытства у кого-либо по отношению к находкам подобного рода. Всё это — более чем странно…

Завершение этой «романтической» истории было весьма прозаичным.

Взволнованные нашей замечательной находкой, мы совершенно забыли о первоначальной цели похода на речку: было не до корабликов. Скакун сказал, что заберёт пистолет домой и надёжно его спрячет. — Мы ещё из него пальнём — пообещал он мне. Но «пальнуть», увы, не пришлось. Великовозрастный брат Скакуна Колька, работавший в порту в Феодосии и часто наезжавший домой, через несколько дней после нашей находки (не знаю каким образом) узнал о пистолете. Оружие было отобрано, а Вовка по-братски был дран за уши. — «Вальтер» вам соплякам ни к чему! Еще перестреляете друг друга — со строгостью в голосе заявил Колька. Вот так мы и узнали, марку пистолета, который нашли столь необычным образом. А чтобы потрясение наших душ не было чрезвычайно большим от утраты «Вальтера», Колька сунул нам взамен в руки поломанное охотничье ружьё. — Вам для игры в «войнушку» вполне сгодится! — авторитетно заявил старший брат Скакуна…

В том же году со мной произошёл и другой, достаточно необычный случай.

… Большая перемена, хотя и была двадцатиминутной, но всё равно — не растягивалась, подобно резине. А потому я прытью бежал домой, чтобы забрать забытые учебник и тетрадку с домашним заданием: до подворья моего от школы — всё же расстояние. Май повсеместно бушевал зеленью, и я вскоре оказался под кронами раскидистых клёнов и замечательно душистых акаций, какими особенно славилась наша улица. А она была — без всякого асфальтового или, скажем, булыжникового покрытия, утоптанная лишь автомашинами и пешеходами. В нашем городке в те годы асфальт имела лишь одна улица — центральная, которая, естественно, называлась именем вождя мирового пролетариата. А на нашей улочке, впрочем, как и на остальных, после сильных дождей, в промоинах, можно было встретить монеты эпохи Золотой Орды, железные монгольские наконечники стрел, обломки великолепной ордынской посуды…

Но вот она уже показалась — калитка моего дома, и я, было, начал уже «сбрасывать» скорость, притормаживая, когда носком ноги зацепился за что-то торчащее и со всей силы спикировал наземь. Чертыхаясь и потирая ушибленные локти и колени, стал выяснять «торчащую» причину моего внезапного падения. Из земли выглядывала недлинная, но довольно широкая ржавая скоба. Поскольку перочинный ножик был при мне (а это был непременный аксессуар всех мальчишек того времени), я, присев на корточки, начал расчищать землю вокруг скобы, и вскоре явственно стали проступать округлая поверхность небольшого предмета с четкими и глубокими рубчиками. Скоба, за которую зацепилась моя нога, шла почти параллельно этой округлой поверхности. И я, конечно, опознал металлический предмет. Это была граната, так называемая «лимонка». Пустые болванки «лимонок» я хорошо знал: их было несколько в моём разнообразном «арсенале» остатков вооружения Великой Отечественной, собранного на местах боёв и партизанских стоянок. Используя эти реликты, мы, мальчишки, с удовольствием играли в войну за городом. Но те «лимонки» были без взрывателей, а эта — абсолютно целая, хотя и покрытая ржавчиной и окислами. К слову сказать, какого-то страха по поводу того, что граната могла взорваться, тогда вовсе не было… По-видимому, в этом возрасте

чувство опасности ещё по-настоящему не присуще человеку… А ведь это могло легко случиться, особенно, если учесть, что я не просто зацепился ногой за гранату, а именно за скобу, являвшуюся спусковым рычагом взрывателя. То ли я в «рубашке» родился, то ли рычаг заржавел, а потому взрыватель не сработал… Значительно позже, читая литературу по военному делу, я понял, что имел дело с гранатой Ф-1, обладающей, с учётом заряда и устройства чугунного корпуса, большой поражающей силой. А название «лимонка» она получила вовсе не за форму, напоминающую экзотический плод, а по той причине, что была изобретена в начале XX века конструктором по имени Лемон. Но это всё — было в будущем…

А тогда из калитки нашего дома вышел мой дядя. Вместо того чтобы надавать мне по шее, видя, чем я занимаюсь, он сбегал за лопатой и быстро извлёк «лимонку» из земли. А далее — случилось странное. Дядя не забрал находку, а пошёл относить лопату в сарай. Я же, быстро прихватив учебник, тетрадь, а заодно и «лимонку» (Господи, до чего же я был не разумен!), ретировался в класс. Удивительно, но дядя, точно зная, что мне предстоит вернуться в школу, почему-то не бросился мне вслед. А ведь к окончанию той войны ему было 16 лет, и, в отличие от нас — по сути, мальчишек, — он уже понимал многое. Во всяком случае, чем могла обернуться моя неразумная бесшабашность… Боже упаси, меня обвинять дядю в чём-либо: он был очень достойным человеком. Но иногда случаются вещи непонятные и с очень хорошими людьми…

К учёбе, не смотря на некоторое разгильдяйство, я относился хорошо. Всегда. А потому сидел на одной из первых «почётных» парт. Как только в класс вошла наша «географичка» и начался урок, я потихоньку извлёк из кармана «лимонку» и положил её на парту. Поверь мне, мой любезный читатель: по сей день не знаю, для чего тогда я это сделал! Сашка, сосед по парте, завистливо покосившись на гранату, спросил: — Целая? — Ты что не видишь! — возмущённо и, вероятно, не в меру громко произнёс я. «Географичка», устремив взор в нашу сторону, переменилась в лице. С округлёнными до невероятности глазами она буквально вылетела из класса. И тут я понял: нужно «давать дёру»…

Спрятав «лимонку» в кустарнике в самом начале заброшенного колхозного сада, я не спеша вернулся в школу. Меня уже ждали. Во дворе стояло несколько военных, один из них — до-

вольно молодой старший лейтенант, и наш физрук Николай Николаевич. — Этот герой? — с усмешкой спросил старший лейтенант. — Этот! — строго ответствовал физрук. — У вас ведро и песок в школе найдутся? — поинтересовался старший лейтенант…

В открытом «газике» мы приехали к месту, где была спрятана «лимонка». Я, Николай Николаевич и сапёр подошли к кустарнику. — Показывай где! — приказал физрук. Я сунулся было в куст, чтобы извлечь гранату, Николай Николаевич при этом чрезвычайно быстро переместился подальше, но старший лейтенант, отодвинул меня в сторону и, внимательно осмотрев «лимонку», взял её одной рукой и, не спеша, положил в ведро с песком. — Жаль, что я не твой батя — произнёс старший лейтенант раздумчиво. — Отодрал бы ремнём, как сидорову козу!

… В школу мы возвращались вместе с физруком, пешим ходом. Николай Николаевич нудно отчитывал меня за скверное поведение. «Газик» вместе с сапёрами пылил по дороге за город. Вскоре издалека раздался приглушенный взрыв… Прощай, оружие!

1—2.01.2013

Граната для полковника Маринина

Боже мой, как же мне нравилась Танька Маринина! Пухленькая, с румянцем на щёчках, украшенных ямочками, двумя косичками, торчащими в разные стороны, но главное — акающим московским говором, разительно отличающимся от нашего южного произношения. Она была младшей и любимой дочкой полковника Маринина, лётчика-истребителя, фронтовика, солидного полноватого мужчины с ёжиком седых волос и строгим взглядом. Маринины жили в Москве, но летом отдыхали в нашем небольшом старинном крымском городке, где у них был свой дом — нечто вроде дачи. Приезжали москвичи на собственном автомобиле — просторной и — как мне казалось тогда — удивительно красивой «Победе». Такой машины ни у кого из местных жителей не было.

Дом Марининых стоял по соседству с нашим подворьем. Именно это сыграло определённую роль в произошедшей со мной истории.

Я всячески хотел обратить на себя внимание столичной соседки, но сделать это мне, тринадцатилетнему провинциальному мальчишке, было совсем непросто. Выразительной внешностью я не отличался, что же касается одежды, то о каких-то гардеробных изысках и говорить не приходится! Как и все мои сверстники, летом ходил в обычных спортивных трикотажных шароварах, которые сильно вытягивались и пузырились на коленях, или хлопчатобумажных брюках, имевших странное народное название — «штаны из чёртовой кожи». Сверху наряд дополнялся майкой или рубашкой с короткими рукавами, которые к исходу лета приобретали основательно выгоревший вид. Обувью обычно служили лёгкие кожаные тапочки на шнурках, недостатком которых являлось то, что они сильно скользили, особенно по траве. Какие-либо головные уборы попросту игнорировались.

Зато положительными моментами моего облика были смуглость, худощавость и чрезвычайная подвижность.

На фоне моей провинциальной обыденности Танька явно выглядела принцессой. Чуть ли не каждый день она появлялась на улице в новом платье, что сопровождалось соответствующей реакцией местных девчонок. Таньку они не любили, в отличие от меня…

Воспитывали меня (если так вообще можно сказать) бабка

и дед, поскольку родители временно жили в Киеве, где учился отец. Рос я свободолюбивым подростком и «шлялся» — как говаривал мой дед — с местными пацанами по окрестным лесам. Наши «походы», порой на довольно большое расстояние, объяснялись не только и не столько любовью к родной природе. Мы искали на местах боёв, партизанских стоянках оружие времён Великой Отечественной войны, и нередко эти поиски были успешными. Во всяком случае, у меня был замечательный, хотя и ржавый, арсенал: винтовка системы Мосина (в просторечье — «трёхлинейка»), знаменитый автомат ППШ, несколько немецких миномётных мин без зарядов и взрывателей, каски — наши и немецкие. Особой гордостью, вызывавшей негромкую зависть у друзей, была наша противотанковая граната, но без заряда. С «личным оружием» мы разыгрывали целые баталии, за городом, подальше от людских глаз. С неизменным восторгом в стан «неприятеля» металась граната, в чём я особенно преуспел…

Моё чрезмерное желание понравиться Татьяне не прошло мимо внимания её бдительного и строгого родителя.

И, однажды, встретив меня, «дежурившего» возле их дома, и ждущего появления «московской принцессы», полковник Маринин, очевидно, с профилактической целью, больно надрал мне уши, приговаривая: — Чтобы я тебя, сопляк, возле моей дочери больше не видел!

Случилось это на глазах вышедшей на улицу Таньки… Надранные уши горели, но ещё больше — лицо, от нестерпимого стыда и обиды. Я закусил губу, чтобы не расплакаться…

— Эх, полковник, полковник, — размышляю я сейчас, по прошествии очень значительного времени. — Наверное, был ты отважным истребителем: видел тебя в кителе, увешанным наградами. Быть может, «завалил» в воздушном бою не одного «мессера» и «фоккера»… Но, не сомневаюсь в одном: ты был плохим знатоком человеческой души. Нельзя истреблять так безжалостно первую влюблённость, да ещё на глазах у «предмета обожания»! Невозможно и противоестественно унижать формирующуюся в юном существе гордость…

Это у меня сейчас такие мысли. А тогда… Тогда я вообще ни о чём не думал. Схватив спрятанную в сарае противотанковую гранату, я, что было силы, швырнул её в окно комнаты, где находился мой обидчик…

Раздался звон стекла и, прежде чем убегать, я увидел, как полковник с неестественной для его комплекции скоростью юркнул под кровать. Он, конечно, не догадывался, что противотанковая граната не имеет заряда, но как бывший фронтовик, прекрасно знал поражающие способности этого взрывного устройства…

…Нет, никто меня не забирал в милицию. Ну, не мог же бесстрашный боевой офицер, горевший однажды в самолёте и чудом выживший, признаться, что испугался простой болванки. Дело завершилось серьёзной домашней экзекуцией, осуществлённой любимым дедом.

Вы меня спросите: — Сожалею ли я об этом поступке? Или по-другому: — Стыдно ли мне? А я Вам отвечу: Нет!

30.01.2011

«Время стиляг»

До сих пор из моей памяти иногда выныривают слова этой совершенно дурацкой песенки, из 60-х годов:

Не ходите, дети, в школу,
пейте, дети, «кока-колу»,
не играйте в баскетбол,
а танцуйте рок-н-ролл!

Господи, как же всё давно это было! Удивительное «время стиляг»… Впервые я узнал о них в году 1964-ом, увидев яркую карикатуру в сатирико-юмористическом журнале «Крокодил» (его выписывала семья моего соседа и дружка Сашки Решаева). На ней были изображены молодые люди, своим видом сразу же поразившие моё воображение. Парни — с диковинными причёсками, струящимися вперёд этакими «коками», длиннющими бакенбардами и подбритыми усиками, в клетчатых пиджаках с немыслимо расширенными плечами, невероятно узких брюках и туфлях на толстенной подошве. Девушки — с подобранными волосами, туго перевязанными на затылке вверх и струящимися затем вниз, по плечам (позже эта причёска получила наименование «конский хвост»), узких коротких брючках или широких плиссированных юбках, туфлях на высоких каблуках-«шпильках». Молодые люди, взявшись за руки, лихо отплясывали, высоко задирая ноги, неведомый мне танец. Стихотворный пассаж под рисунком с обвинительным жаром сообщал, что это — «стиляги», пижоны, бездельники и проходимцы, оторвавшиеся от нашей социалистической действительности и попавшие под влияние западной разлагающей морали. А танцуют они идеологически вредный танец «рок-н-ролл»…

Это было захватывающе интересно! В нашем южном провинциальном городке «стиляг» пока еще не было. Однако, старшие ребята, учившиеся в Симферополе и других крупных городах за пределами Крыма, приезжая домой, привозили не только всевозможные рассказы об этой — выражаясь современным языком — «продвинутой» молодежи. Некоторые из них тоже начали щеголять предметами одежды, не виданной нами ранее и невесть каким образом попавшей к ним. Особенно впечатляли рубашки, на выпуск, с «кричащими» изоб-

ражениями типа тропических пальм, с обезьянами на них, загорелых заморских красоток в откровенных купальниках, и аналогично украшенные галстуки. Словарный запас моего поколения медленно, но уверенно стал пополняться диковинными словами: «чувак», «чувиха» («чув*а*») (со временем модифицированные в «чудак», «чудоха»), «кайф», «лабать», «мэн». Некоторые из них, несмотря на почтенный возраст, бытуют в «великом и могучем» и поныне. С именами собственными в молодёжной среде стали происходить любопытные метаморфозы: Бори стали почему-то именоваться Бобами, Жоры — Джонами, Сени — Сэмами…

Появилась музыка, неслыханная ранее… Она приходила разными путями: иногда попадала в наши приёмники с волнами западных радиостанций, прорывая сети мощных отечественных «глушилок», но чаще носителями её выступали гибкие пародии на пластинки — так называемые «рёбра», записи, сделанные на рентгеновских пленках. Поставленные на проигрыватель «рёбра» шипели, подпрыгивали на крутящемся диске, но под настойчивым воздействием корундовой иглы начинали издавать ритмические мелодии с англоязычными текстами. Настоящих пластинок «из-за бугра» у нас не было. Но и «рёбра» являлись предметами живого обмена и продажи. Откуда они появлялись, постепенно наводняя городок, понятия не имею…

Одними из первых, невероятно захватывающих мелодий, которые мне довелось в то время услышать, были «Rock Around The Clock» и «Let's Twist Again». Тогда, я, конечно, не знал, что исполнителями этих песен были один из первых «королей рок-н-ролла» Билл Хэйли и легендарный «твистер» Чабби Чеккер…

Любопытно, что почти сразу на «роковые» мотивы появился слегка похабный песенный «фольклор», в котором вовсю обыгрывались популярнейшие слова — «чувак», «чувиха», «рок»… К примеру, вот что вовсю распевало младшее поколение:

На развилке трёх дорог,
стоит терем-теремок.
Из окна несётся рок.
Вышел зайчик на крыльцо,
почесал своё я…

А старшие подростки предпочитали это:

На столе чувиха гола,
под столом бутылка «колы»,
рядом с ней лежит чувак,
напевая «Мамбо-рак»...

По сей день не знаю, что это за творение — «Мамбо-рак»... Догадываюсь, что речь, вероятно, могла идти о «Мамбо-Роке» — одном из наиболее известных рок-н-роллов, исполняемых Биллом Хэйли ... Но из той песни — слова не выкинешь!

Стало шиком носить брюки-«дудочки», зауженные до такой степени, что снять их порой было делом нелёгким! Спасали лишь разрезы с двух сторон швов. Считалось модным поднимать вертикально воротник рубашки... Конечно, клетчатых пиджаков, с подставными ватными плечами, рубашек с пальмами, обезьянами и красотками, как и обуви на толстой микропорке, у нас не было. Но всё же...

Наши сверстницы старались не отставать, и поражали мальчишеское воображение не столько нарядами, сколько необычными причёсками. Впечатляющие названия трёх из них помню до сих пор: «Я у мамы — дурочка», «Приходи ко мне в пещеру», «Я упала с самосвала, тормозила головой». Яркой особенностью первой была чёлка, почти закрывавшая глаза, вторая же характеризовалась довольно сумбурным начёсом, внутри которого, по-видимому, и находилась та самая «пещера»...Чтобы представить, как выглядела третья причёска, большого воображения не надо...

Проводником «стиляжьей» моды в нашей компании был мой одноклассник Вовка Скакунов, которого мы звали «Скакуном», а в свете распространившейся моды — «Вольдемаром». Жил он в многодетной семье, без отца, учился — так себе... Но что касается всяких западных «штучек» — равных ему не было. Я думаю, основным «поставщиком» всего этого являлся его старший брат Колька, работающий в порту одного из южных городов. Вольдемар одним из первых в нашем городке вырядился в «дудочки», и стал гордо носить купленную братом яркую рубашку с попугаями. Более того, ему удалось завести удивительную прическу с выступающим вперёд «коком», точно такую же, как я видел на карикатуре в «Кро-

кодиле». Эта деталь его облика вызывала особую зависть. Бакенбарды и усы у Вольдемара пока ещё не росли… Именно он у себя дома продемонстрировал нам, как под звучание «рёбер» нужно танцевать рок-н-ролл, по-видимому, выучившись вычурным «па» у старшего брата. От Вольдемара я впервые услышал имя «Элвис Пресли». Он же показал маленькое, плохого качества фото Элвиса и дал послушать записанные на «рёбрах» рок-н-роллы в исполнении голосистого американца. Понятное дело, мы в большинстве своём подражали Вольдемару… Правда, мои попытки завести такую же, как у него причёску — ни к чему не привели: непослушные вихры никак не хотели приобретать вид впечатляющего «кока»…

Однажды Вольдемар таинственно сообщил, что вместе с Колькой приезжает несколько его друзей, настоящих «стиляг», и вот они-то и покажут, как надо «лабать рок»…

В летнюю пору основным центром культурного времяпровождения молодёжи нашего городка являлась открытая танцевальная площадка — «пятак», расположенная в старинном тенистом парке, именуемом жителями сокращённо — «горсад». «Пятак» возвышался над местностью и был обнесён оградой. Украшали её фигурные бетонные столбики, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга и придающие забору даже некую ажурность. Внизу, по его периметру, на приличной от земли высоте, находился бордюр. Стоя на нём, и держась за край ограды, можно было вволю наслаждаться видом танцующих на «пятаке». Именно этим и занимались мы раза три в неделю, когда в парке устраивались танцы. Сама танцплощадка нам (14—15-летним) была не доступна. Остальным для входа на неё нужно было покупать билет. Некоторые шустрые «безбилетники» лихо перепрыгивали изгородь и растворялись в толпе танцующих. За порядком на «пятаке» чаще всего следили бдительные «народные дружинники» с красными повязками на руках. Обычно они удаляли с танцплощадки молодёжь танцующую «не те» танцы, затевающую потасовки или пребывающую основательно «подшофе». Но бдительность «народных дружинников» вовсе не ограничивалась слежением за «пятаком». Влюблённые разных возрастов ни в коей мере не должны были выражать свои чувства друг к другу прилюдно. Например, молодому человеку нельзя было «на людях» целовать девушку, ибо это считалось аморальным. По этой причине потенциальные «на-

рушители» старались уединяться в тёмных аллеях парка или на скамейках, под сенью густых кустов…

И вот вечером одного из воскресений на «пятаке» появился брат Вольдемара — Колька, а с ним две незнакомые «чувихи» и «чувак». Компания была практически копией «стиляг» с той самой карикатуры из «Крокодила»! Разве что у ребят не было пиджаков, поскольку царила летняя теплынь. Зато всё остальное — крайне впечатляло! Думается, что Кольке удалось договориться (не знаю — безвозмездно ли?) с киномехаником Витькой, который параллельно с показом фильмов в местном кинотеатре, «крутил» музыку на «пятаке»… После завершения плавного вальса, вдруг во всю мощь нескольких «колонок», установленных по кругу, близ столбов освещения, грянул «Рок вокруг часов»!

Боже, что тут началось!.. «Народ» в центральной части «пятака» расступался, создавая для танцующих пространство… А брат Вольдемара, его приятель и две их подружки, перемещаясь с приличной быстротой то взад-вперёд, то в стороны, выделывали ногами и руками в такт музыки совершенно невообразимые штуки… Венцом танца явилось «пробрасывание» между ногами парней взъерошенных «чувих», что было сделано мастерски, без нанесения травм последним о бетонный пол «пятака». При этом девчонки сверкнули тем, что обычно прячется под юбками… Восторгу «народа» — не было предела!

Но… набежали «дружинники» и дружно, взашей, вытолкнули с танцплощадки Кольку и заезжих «стиляг», всячески порицая их нехорошими словами… Да, это было зрелище, память о котором осталась навсегда!

…Мы, игнорируя призывы глупой, но популярной песенки, куплет из которой приведён в начале этого повествования, продолжали ходить в школу, играть в баскетбол… Хотя при этом — признаюсь честно — всё же учились танцевать рок-н-ролл. А вот «кока-колы» — одного (как считалось) из символов «загнивающего» Запада — в те годы так и не пришлось попробовать: в Советском Союзе этот идеологически чуждый напиток не производился и не продавался…

1.02.2012

Любовь — не продаётся!

Моему поколению в юности посчастливилось быть свидетелем мировой популярности, широчайшей известности и планетарной славы четырёх молодых людей, певцов и музыкантов из портового Ливерпуля. Они оказали огромное воздействие на музыкальную культуру, моду, внешний облик, поведение и мировоззрение молодёжи 1960-х годов… Квартет «Битлз»… Их музыка не знала границ, проникая и в центры, и глубоко в провинцию…

…«Экспансия» «ливерпульской четвёрки» на территорию 1/6 части земного шара на удивление совпала с новыми техническими веяниями. Наступило время, когда в СССР, в быт, стали широко входить плёночные бобинные магнитофоны, для краткости называвшиеся молодёжью — «маги». Как правило, они были довольно массивны по размерам и стоили немалых денег. Тем не менее, записи популярной западной музыки на рентгеновских плёнках или «рёбрах» («костях») исчезли, а проигрыватели и пластинки слегка подвинулись, смутившись техническими возможностями новшества. А взявший разгон прогресс и не думал притормаживать… Вскоре появились переносные «маги» на батареях, и — если мне не изменяет память — первый образец такого чуда техники имел прозаическое название «Весна». Стать владельцем переносного «мага» и нести, в прямом смысле слова, музыку в «народ» — было вожделенной мечтой каждого молодого человека. По размерам и по весу такой «маг» был раз в 10 больше кассетных плееров 1990-х годов… да и звучание его было несравненно хуже…

В нашем провинциальном городке одним из первых, кто «завёл» музыкальную «Весну», был Борис, которого со «времени стиляг» величали Бобом — щеголеватый парень лет девятнадцати, старше меня и моих сверстников года на 2—3, из довольно обеспеченной, как тогда считалось, семьи.

Первые песни в исполнении «битлов» (а именно так именовались они в молодёжной среде) — «Can't Buy Me Love» и «Rock And Roll Music» — я и ребята нашей компании услыхали в 1966 году, именно из «мага» Боба. Позже я узнал, что первая из них, на определённое время, стала, чуть ли не «визитной карточкой» молодых музыкантов из Ливерпуля.

Любопытно, но при наличии — пользуясь языком западных идеологов — в СССР «железного занавеса» и отсутствия в тот

период могучих возможностей Интернета, без которого нынче трудно представить жизнь современного человека, эти композиции проникли в провинцию относительно быстро: первая из них — через два года после написания, вторая — вообще через год… Гораздо труднее «пробивалась» в нашу среду рок-н-ролльная музыка «времени стиляг». К примеру, некоторые песни, исполненные одним из «королей» рок-н-ролла — американцем Билом Хэйли в середине 1950-х годов, «долетели» до границ СССР лишь через 7—8 лет! Бесспорно, главную роль в столь быстром распространении музыки «битлов» сыграли именно магнитофоны, давшие возможность записывать их песни, звучащие на волнах западных радиостанций…

Итак, в отличие от «времени стиляг» «эпоха битлов» наступила у нас иначе… Вначале — их музыка, и только потом, во всяком случае для меня и моего окружения, появились некоторые сведения о них, и мы увидели первые изображения «ливерпульской четвёрки»…

Волны начавшейся в 1963 году в Великобритании «битломании», невероятно усилившейся после их первого, в 1964 году визита в США, к середине 60-х докатились до Советского Союза и захлестнули всё его пространство с востока на запад, и с севера на юг, по меньшей мере — на четыре года.

На борьбу с британским «злом» дружно ополчились отечественные средства массовой информации. Поражает следующий факт, в те годы прошедший почему-то мимо меня и моих сверстников. Оказывается, с началом неудержимого роста популярности «битлов» на Западе, но ещё не достигшей Союза, уже в 1964 году, как по команде (а, по-видимому, так оно и было!), в ряде многотиражных изданий появились статьи о «жуках» (так их называли в советской прессе того времени), крайне обличающего характера. Речь идёт о журналах «Крокодил», «Украина», газете «Комсомольская правда», «Литературной газете». Названия некоторых статей говорят сами за себя: «Идолы и поклонники», «Гитары, барабан и акробатика», «Из жизни “пчёл” и навозных “жуков”»… В чём только ни обвиняли наши СМИ «ливерпульскую четвёрку»! Так, в одной из статей утверждалось, что *«…“жучки” ловко умеют разжигать самые тёмные и примитивные страсти у своей аудитории…»*. Но «перещеголял» всех известный советский композитор, любимец народа и будущий народный артист СССР Никита Богословский, написавший в «Литературной

газете» (19 декабря 1964 года), бесспорно, заказную статью «Из жизни «пчёл» и навозных «жуков»… Она имела превентивный характер — максимально развенчать «чуждое» советскому человеку музыкальное творчество британцев. Читать её и сегодня неловко и стыдно… Но я не могу удержаться, чтобы не процитировать вот это: *«Бедные наивные “жуки”!* — патетически восклицал метр советской музыки, обращаясь к “битлам”. — *Вы, наверно, твёрдо уверены в том, что всё это — слава, бешеные деньги, рёв и визг поклонников, визиты к королям — всё это навсегда и по заслугам. Но готов биться об заклад, что протянете вы ещё* ***год—полтора****, а потом появятся молодые люди с ещё более дурацкими причёсками и дикими голосами, и всё кончится. И придётся вам с трудом пристраиваться в маленькие провинциальные кабачки на временную работу или идти “пчёлами”* (обслуживающим персоналом. — С.С.) *к новым “жукам”.*

P.S. Если вы заметили, дорогой читатель, у меня в заголовке к слову “жуки” произвольно добавлен эпитет — “навозные”, но мне почему-то кажется, что вы не осудите меня за эту вольность. Тем более, что по этому поводу мы вам кое-что объяснили».

Ныне мне думается, что знаменитый композитор, проживший ещё четыре десятилетия после этого газетного опуса (а умер Н.В. Богословский в 2004 году в возрасте 90 лет) и ставший свидетелем мирового триумфа «The Beatles», а затем последующей нескончаемой славы «ливерпульской четвёрки», чрезвычайно сожалел о написанном… И мне становится грустно…

К счастью, тогда мы о подобных статьях не знали…

«Битломанию» я ощутил на себе по-настоящему с 1967 года, когда жил и учился в южном портовом городе — Феодосии … Магнитофонные записи с «битловскими» песнями, в основном в рок-н-ролльном или твистовом ритмах, слышались повсюду. Но разве только это! Непонятно откуда (а сейчас я думаю — это привозили в виде контрабанды моряки дальнего плавания) появились многочисленные фотографии «битлов» и даже некоторые предметы с именем ансамбля, например солнцезащитные очки, на дужках которых было — «The Beatles». Теперь мы знали (и гораздо лучше положений некоторых изучаемых в техникуме учебных дисциплин!) имена всех его участников: Джона Леннона, Пола МакКартни,

Джорджа Харрисона, Ринго Старра, легко различая их на фото… Как мы влюбились в них! Как удивительно совпадал их юный, задорный облик с теми песнями, которые мы слышали!

Молодёжь повсеместно, и мы в том числе, отпускали длинные волосы «под битлов». За этот «грех» нас изгоняли с занятий, заставляя стричься. С нами искренне боролась бдительная комсомольская организация, вовсю осуждая проявление в нашем моральном облике тлетворного влияния Запада… К слову сказать, вследствие этой «борьбы» я не вступал в комсомол (это случилось со мной лишь в 20 лет, в период службы в Советской Армии). В моду вошли пиджаки без воротников — «битловки», которые мы на южный манер называли «клифтами». Помню, сколько было радости, когда родственница тётя Алла сшила мне костюм с пиджаком без воротника, а мама сделала округлыми края воротника на рубашке… Получили распространение узконосые туфли без шнурков, на резинках, именуемые в молодёжной среде «корами», напоминающие обувь «битлов». Начался гитарный бум… Собирались доморощенные группы, которые пытались петь, подражая «ливерпульской четвёрке», не зная, чаще всего, слов песен на английском… Сами себя мы именовали «битломанами»…

Гитар аккорды полнили дворы…
Кумиры в Лету канувшей поры —
квартет звонкоголосых англичан
нам помогал английский изучать.

У меня была обширная коллекция фотографий «The Beatles» — около сотни. В нашей компании, да и в целом в молодёжной среде, широко процветали обмен и продажа «битловских» фото, магнитофонных записей. Среди фотографий была одна, которой — как я сейчас понимаю — цены нет. Это небольшое фото Джорджа Харрисона, на котором он изображён сидящим в кресле, закинувшим ногу на ногу, в сером костюме, белой рубашке и галстуке, с бокалом в руке. Длинные волосы аккуратно причёсаны. Через всю фотографию, слегка наискосок, чёрными чернилами слегка округлыми буквами, была чёткая роспись: «George» и «Harriso…» без последней буквы. Это был настоящий автограф одного из «битлов»! Как я стал его владельцем — увы, уже забыл… Но, зато точно

помню, как с ним расстался… У меня попросили сделать копию, и я, по своей доверчивости, не отказал. Разумеется, фото «потеряли»… Через много лет я рассказал историю об автографе Джорджа Харрисона одной даме, приехавшей в Киев из Великобритании в научную командировку.

Удивлённо посмотрев на меня и покачивая головой, она сказала: — У Вас в руках было целое состояние!

А я и теперь думаю: — Да разве дело в цене? Это ведь — любовь! А настоящая любовь — не продаётся…

Важнейшим годом в моей «битломании» считаю 1967 год. Именно тогда я вначале услышал эту песню, и буквально через небольшое время взял в руки настоящую пластинку, на которой она была записана… «Girl» … Это была совсем иная музыка «битлов» — плавная и, если можно так сказать, — нежная. Разительно отличающаяся от ритмичных композиций, которые слышал ранее. Это было чудо! Позже я написал об этом такие поэтические строки:

Шестидесятые далёкие года…
Соседка с именем загадочным Виола
окно открыла, и, как птица, с радиолы
взлетела песня в воздух без труда

о девушке, которой нет с тобой,
надменно презирающей любовь…
Не всё понять — в английском языке,
но капля грусти тает на щеке…

Как сейчас, вижу эту маленькую пластинку — «миньон» (скорость 33 оборота) из серии «Музыкальный калейдоскоп», выпускаемой Апрелевским заводом фирмы «Мелодия». На одной из сторон — 5 песен, исполняемых популярными эстрадными певцами тех лет и последняя из них — «Девушка». На круглой этикетке значилось: музыка и слова — народные, квартет «Битлс». Оформители то ли ошиблись, назвав песню, написанную Джоном Ленноном и Полом МакКартни, «народной», то ли интуитивно почувствовали, что так оно и будет…

В последующие годы мне посчастливилось прослушать много различных песен и альбомов «The Beatles», но «Девушка» и по сей день остаётся наиболее любимой из всех «битловских» композиций…

Боролся с нами прыткий комсомол,
вменяя длинный волос нам — в грехи…
Но всё же свои первые стихи
я написал под впечатленьем «Girl»…

А вот строфа одного из тех, первых моих стихотворений-песен, написанных на мелодию «Девушки»:

Ей жестокой, что ни разу не дарила поцелуя,
пел я песни в звёздной тишине,
ну, а если так случится, что от грусти вдруг умру я,
вы ей расскажите обо мне…

Ах, Girl!

И припев:

Нет её нежней, красивей,
стал грустней я и тоскливей

О-о-о-о-о-о-о-о!

Но года ведь мчатся мимо,
будет ли она счастливой?

О-о-о-о-о-о-о-о

Ах, Girl!

Замечу, что «Девушка» стала первой песней «Битлз», прозвучавшей в СССР на русском языке (слова Олега Гаджикасимова). Её исполнил замечательный певец Валерий Ободзинский. Мне посчастливилось побывать на его концерте в Феодосии, в 1969 году, где, наряду с чрезвычайно популярной среди молодёжи в это время «Восточной песней», прозвучала и «Девушка»…

…Какое же было интересное «революционное» время у нас — середина — вторая половина 1960-х годов! Время почти безумной популярности мини-юбок (кстати, тоже «пришедших» из Великобритании), в которые облачилась, порой не взирая на параметры и возраст, лучшая половина человечества, распространения колготок, вызванного резким укорачиванием женских юбок, моды на расклешённые, иногда, чрезмерно, мужские брюки, замены чернильных ручек — ша-

риковыми (первое время стержни таких ручек заполнялись пастой в специальных мастерских) и прочих новшеств. И всё это проходило на фоне музыки «битлов».

И ещё один факт. Именно с этого времени, под влиянием «The Beatles», как грибы после дождя, в Советском Союзе стали появляться рок-группы, которые получили облагороженное наименование «вокально-инструментальные ансамбли» (ВИА). Наиболее популярными из них являлись ВИА «Поющие гитары» (Ленинград) и «Весёлые ребята» (Москва), заявившие о себе в 1966 году… Из «котла» нужно было выпустить пар, и его выпускали…

…Я часто думаю о том времени, о музыке «ливерпульской четвёрки», и уверен, что если бы эти безмерно талантливые молодые ребята написали всего лишь три композиции — «Girl», «Michelle» и «Yesterday» — этого вполне хватило бы для того, чтобы навсегда войти в историю мировой музыки… А что?! Ведь на песню «Yesterday» сделано 3000 аранжировок, больше чем на любую другую из когда-либо написанных…

…От далёких 1960-х отделяет уже почти полвека. Но, когда я сегодня слушаю песни «Битлз», этот временной промежуток будто бы не ощущается, а юность — вот она, рядом… И особенно ласкают душу наиболее дорогие для меня предметы: видеоальбом «The Beatles. The First U.S. Visit», двойной кассетный аудиоальбом «The Beatles. Live at BBC» и чрезвычайно объёмная книга «The Beatles. 10 Years That Shook the World». Наверное, потому, что это — подарки из Великобритании, родины легендарной «ливерпульской четвёрки»…

… Пусть дни летят, как из колоды карты,
но ливерпульских слышен звон гитар:
поют сквозь годы Леннон и МакКартни,
им подпевают Харрисон и Старр…

10.02.2012

— Уходи! — сказала Наташка…

Это было в конце 1960-х…

…Но вначале — о Кольке Таргане. Собственно говоря, фамилия у него была другая, не очень благозвучная, а потому в памяти многих, знавших Кольку, он так и остался носителем именно этой — как тогда говорили хулиганистые подростки — «кликухи».

Ко времени моего знакомства с Тарганом он уже отсидел год в колонии для малолетних преступников за участие в массовой драке местной молодёжи с отдыхающими санатория, носящего имя нашего небольшого крымского города.

Я тогда учился в политехникуме, а он работал слесарем на одном из городских предприятий и завершал образование в вечерней школе. Колька был года на полтора старше меня, и в силу этого обстоятельства и жизненного опыта относился ко мне покровительственно, но отнюдь не свысока. О своём пребывании в «местах не столь отдалённых» он предпочитал не говорить вообще, во всяком случае, мне. Будучи на зоне, не приобрёл он и никаких наколок, т. е. татуировок. Но оказавшись на свободе, Тарган, на удивление быстро, сумел «сколотить» группу отчаянных ребят, и, действуя мало дипломатично, а чаще — довольно жёстко, «подмять» под себя почти все молодёжные группировки города. К слову сказать, никаких криминальных дел в это время я за ним не припомню — обычные разборки в борьбе за лидерство. А быть лидером или «королём» в среде молодёжи Кольке, несомненно, нравилось. Задатки к этому у него определённо имелись. Он был хитёр, смел, расчётливо жесток и циничен. Умел драться, и всегда выяснял отношения с противником «один на один», не прибегая к помощи друзей. Последнее способствовало росту его авторитета. Колька имел примечательную внешность: был ростом около 2-х метров, худощавый, стройный и — как говорят в народе — жилистый. Волосы чёрные, курчавые, лицо смуглое, на одном из передних зубов — золотая коронка — «фикса». И дивное дело: даже его основательно деформированный нос — следствие многочисленных баталий — не портил общего облика. Одевался он аккуратно и по тем временам довольно модно: мать его, помимо основной работы, слегка занималась фарцовкой.

Тарган, бесспорно, нравился прекрасному полу. И вот тут нужно отметить одну, почти парадоксальную черту его характера. Будучи в мужской компании циничным, а зачастую наглым и жестоким, по отношению к женщинам Колька вёл себя совершенно иначе: был, не то чтобы мягким, но, безусловно, более добрым, если не сказать — порядочным. Во всяком случае, я никогда не слыхал от него ни одного плохого слова о девушках, с которыми он проводил время. А их было немало… Впрочем, на эту тему он вообще предпочитал не говорить. Наверное, и по этой причине он был притягателен для представительниц прекрасного пола. Каждая из них знала: о своих амурных делах Колька молчит, как рыба. «Крутил» он романы не только с городскими дамами, но и с многочисленными девчонками из близлежащих сел, приезжавшими в наш городок на работу на швейной фабрике. Знакомство с ними происходило обычно на танцах в местном Доме культуры. У меня, в отличие от многоопытного Кольки, никаких навыков близкого общения или — как сейчас принято говорить — сексуальных отношений с противоположным полом не было. Конечно, мне очень нравились девушки, с некоторыми из них случались даже поцелуи или объятия, но — не более… Колька, по-видимому, догадываясь об этом, подтрунивал надо мной, впрочем, беззлобно.

Я так много уделил внимание портрету Кольки Таргана по той причине, что в истории, о которой пойдёт речь далее, он сыграет отнюдь не последнюю роль, да и в целом его фигура была довольно яркой в моей далёкой, южно-провинциальной юности…

Хорошо помню появление на танцах Наташки… Да, именно на танцах, поскольку нигде в городе ни я, ни Колька до этого её не видели.

В тот вечер она не просто вошла в зал нашего ДК. Она както вплыла в него, почти по-лебединому. Высокая, статная, русоволосая, с удивительно голубыми глазами девушка, лет 19-ти. Ну, прямо — русская красавица! Она действительно приехала в наш город из средней полосы России, и поселилась в доме, за которым её временно оставили «присматривать» родственники, отправившиеся за «длинным рублём» куда-то в Сибирь. Ко времени нашего знакомства с Наташкой, она уже работала крановщицей на заводе железобетонных изделий, который в то время был основным местом трудоустройс-

тва местной молодёжи. Работа была там не из лёгких, но платили хорошо.

Наташка всем своим обликом и крупной статью выделялась на фоне наших не особенно рослых девушек-южанок, в основном брюнеток, а если блондинок или шатенок, то явно крашеных… Конечно, она сразу же стала объектом самого пристального внимания парней, и Кольки Таргана — в первую очередь. Не скажу, что она мне не нравилась. Вовсе нет! Она была очень привлекательна и, в общем, — необычна. Но смущали её размеры: она смотрела на меня сверху вниз, а я — наоборот, как на недосягаемую горную вершину… А вот Колька и по росту, и по общему облику ей явно подходил: они довольно впечатляюще выглядели рядом. Когда Тарган танцевал с Наташкой, «народ» глядел на них во все глаза.

Как он перед ней «распускал хвост», какие круги выписывал, демонстрируя и определённую (в его представлениях) галантность, и свой «королевский» авторитет! Привыкший к недолговременным ухаживаниям и лёгким победам, Колька вскоре был обескуражен… Наташка танцевала с ним, шутила, внимательно слушала мастерски рассказываемые Тарганом анекдоты и житейские истории, позволяла иногда провожать себя домой… и на этом — всё… И надо сказать, что Колькины любовные страсти через некоторое время перегорели, и он стал относится к Наташке чисто по-дружески. Мы — Колька, Наташка и я — часто встречались на танцах, бродили по городу, провожали Наташку домой, и — чего греха таить — иногда вместе выпивали. Несколько раз она приглашала нас к себе. Однажды — уж не помню, что послужило поводом для этого разговора — Наташка сказала, что к ней пристаёт сосед, которому за сорок, с недвусмысленными предложениями. Помнится, мы не придали этому какого-либо серьёзного значения, Колька даже хмыкнул тогда, произнеся что-то крайне легкомысленное…

А потом был случай, едва не стоящий нам голов — в самом прямом смысле слова. Мы сидели вечером у Наташки, «играли в литрбол» (как было принято говорить тогда по этому поводу в молодёжной среде), шутили, а Тарган вполне артистично «вёл трёп за жизнь»… Вдруг за окном послышался звук, как будто что-то стукнулось оземь, а затем прошуршали шаги…

— Сейчас посмотрю, что там — и Колька быстро вышел во двор.

А затем донеслись: какая-то возня, крики, глухие удары, и появился Тарган, таща одной рукой за шиворот пьяного с виду мужика, а во второй — сжимая топор.

Наташка слегка побледнела:

— Это — тот самый сосед… Значит, перелез через забор, калитка — заперта.

Тарган был не в себе:

— Эта сука — кричал он мне — ждала нас в тени, с топором, за углом дома!

Мужик злобно, исподлобья, рыскал глазами…

— Говоришь, пристаёт к тебе? — вдруг как-то, почти ласково спросил Тарган Наташку, а сам пристально и хищно всматривался в соседа…

И было в этом вопросе, вернее, — в его интонации, что-то такое, что мне совсем не понравилось…

Колька налил почти полный двухсотграммовый «гранчак» водки и процедил мужику: — Пей, тварь!

Тот, поколебавшись с секунду, опрокинул в себя стакан и почти сразу же рухнул наземь от сильнейшего удара, который нанёс ему Тарган в лицо.

— Это тебе, дядя, за топор! — произнёс почти буднично Колька.

Отряхнув правую руку, он вновь налил полстакана водки:

— Пей, сволочь, под наркозом — легче!

Мужик снова распластался на полу, кровавя разбитым ртом.

— А это тебе, козёл, за приставание к Наташке…

Колька вдруг цепко глянул на меня: — А теперь ты бей его! — Не буду!

— Гуманист сраный! — «завёлся» Тарган — До тебя, что, не доходит: он же зарубить нас хотел!

Колька сгрёб в охапку обмякшего от водки и физического воздействия мужика, вытащил из комнаты и перебросил через забор в его собственный двор.

— Больше он к тебе «клеиться» не будет — сказал Тарган Наташке.

Она молчала и как-то странно глядела на Кольку…

Через несколько дней я встретил Наташку на танцах. Кольки не было. Я знал, что у него появилась очередная пас-

сия, видел, как он с шиком и грохотом катал её на своей двухцилиндровой «Яве», по центральной улице нашего городка. А чешский мотоцикл «Ява», да ещё двухцилиндровый, в те годы, да будет тебе известно, мой дорогой читатель, был столь же престижен у молодёжи, как позже пресловутые иномарки…

Танцы затягивались и окончились где-то к полуночи.

— Проводи меня! — попросила Наташка…

Если честно, мне совсем не улыбалось идти с ней на городскую окраину, да ещё на улицу, расположенную вблизи с густо заросшим деревьями кладбищем. Но не мог же я отказать девушке, тем более в такой просьбе!

Мы, молча, шли по малоосвещённым улицам. Разговор как-то не клеился. Наташка — как мне показалось — о чём-то сосредоточенно думала.

У калитки, когда я было собирался сказать ей традиционное «пока» и отправиться восвояси, вдруг сказала:

— Зайди, на минутку!

Я ничего не понимал…

Когда мы оказались на веранде, промолвила:

— Свет зажигать не будем, иди за мной.

...В тёмных комнатах её большого дома под ногами скрипели половицы. Моё сердце учащённо билось, а в памяти свежо всплывала недавняя встреча со злобным соседом, вооружённым топором… Наташкины шаги стихли. Остановился и я. Нервы были — на пределе. Зная примерное расположение комнат, я понял, что нахожусь где-то в районе спальни. Что-то вдруг зашуршало и, как будто, упало наземь, затем раздался лёгкий щелчок. Меня внезапно пронзила совершенно дикая мысль: а не караулит ли меня в темноте её безумный сосед, с которым она в сговоре?! А если нет — почему она ведёт меня по всему дому, в темноте, не зажигая света? И в унисон с этой мыслью я метнулся к стене и щёлкнул выключателем…

А затем я зажмурился изо всех сил… Нет, вначале посмотрел… Наташка стояла вблизи кровати абсолютно голая! Платье, трусики и лифчик валялись на полу. Но она их — словно не замечала. А мне казалось, что от её тела исходило какое-то удивительное свечение. Может, потому, что я впервые так вблизи увидел полностью обнажённую женщину? Не знаю, сколько это продолжалось: несколько секунд или минуту…

— Уходи! — сказала Наташка.

И было в её голосе что-то такое, что я так и не смог понять: разочарование ли, горечь или что-то совсем иное…

Но, бредя той далёкой ночью по спящим узким улочкам своего родного городка, я вдруг отчётливо осознал две вещи: Наташка по совершенно непонятной для меня причине отдала предпочтение мне, а не более яркому во всех отношениях Кольке Таргану. И второе: она хотела, чтобы всё случилось во мраке, и ночь надёжно укрыла следы содеянного…

Больше ничего подобного не было, а вскоре Наташка уехала к себе, в Россию.

А во мне, очевидно, навсегда укоренилась замечательная мысль: как странны, загадочны и непредсказуемы женщины…

24.05.2012

ЦИКЛ «В ТО ЛЕТО В ЭКСПЕДИЦИИ…»

Лохматый ужас

За несколько десятилетий работы в археологических экспедициях были у меня не только интересные находки и открытия, но и встречи с неординарными людьми, всевозможные ситуации, порой смешные, а иногда — не очень. Со временем некоторые лица и события исчезали из памяти либо совсем, либо надолго, проявляясь в ней лишь изредка и совершенно по непонятным для меня причинам. Других же персонажей и ситуаций память моя, словно сторожевая собака, почему-то удерживает цепко и прочно по сей день… К числу таковых относятся и несколько случаев из жизни экспедиции под руководством Виталия Александровича К., проводившей раскопки древних поселений в Восточном Крыму — вблизи Коктебеля и Феодосии в 197… году.

Собственно говоря, экспедиции в традиционном смысле слова, как таковой, не было. А были лишь её начальник (научный сотрудник), да я — студент-третьекурсник, специализирующийся в археологии, на должности лаборанта, чем весьма гордившийся. Рабочими-землекопами были любознательные местные школьники, которых нам на несколько часов привозили из упомянутых выше населённых пунктов. Местом же моего с Виталием Александровичем обитания служила выгоревшая на солнце, надёжная армейская десятиместная палатка, натянутая на лёгкий металлический каркас.

Начало нашего летнего полевого сезона было связано с раскопками поселения эпохи бронзы. Его остатки в виде разрушенных каменных кладок домов, проступавших на поверхность сквозь жестковатую степную траву, битой керамической посуды и костей животных, вымытых дождями, встречались буквально на каждом шагу на одном из пологих склонов широкой предгорной долины, поросшей кустарником и небольшими деревьями. Долина плавно поднималась к горному массиву с довольно густым смешанным лесом. Замечательно тёплое Чёрное море и курортный посёлок Коктебель (в то время именовавшийся — Планерское) располагались в 5—6 километрах к востоку. Преодолеть это небольшое расстояние к вожделенным волнам, не имея средств передвижения, и,

главное, — после «ударных» трудовых будней, сподобиться нам так и не пришлось.

Пополудни, после отъезда не в меру шумных школьников, устанавливалась благословенная тишина, нарушаемая разве что пением птиц, стрекотанием кузнечиков да отдалённым тявканьем лисиц, среди которых в это чрезвычайно жаркое лето случилось бешенство.

В один из дней мой начальник сказал: — Послушай, мне тут нужно на пару дней «смотаться» по делам в Симферополь. Побудешь один, заодно отдохнёшь душою.

Как помнится, перспектива индивидуального «душевного отдыха» в предгорной долине, достаточно удалённой от людского присутствия, меня вовсе не восхитила, но делать было нечего.

Надо признать, что на первых порах я действительно наслаждался одиночеством: бродил в окрестностях поселения, вспугивая ящериц, беззаботно греющихся на разогретой земле, загорал, валялся с книжкой в руках в тени палатки, вдыхая настоянный на травах и облагороженный влажными бризами воздух. Было хорошо!

Завечерело, потянуло лёгкой прохладой, и вскоре, солнце, ярко окрасив нижний край небосклона, скатилось за горизонт. Почти одновременно прекратились мелодии дня, исполняемые кузнечиками и птицами. Замолкли даже лисицы, по-видимому, вдоволь натявкавшиеся за день. И, как это бывает только на юге, на землю лавиной навалилась чернильная тьма, да такая, о которой в народе принято говорить «ночь, хоть выколи глаза»…

Осветительными приборами нам служили обычные свечи (которые я не стал зажигать) и карманный фонарик. Освещая им палатку, я устроился на ночлег, вплотную к одному из парусиновых бортов. Спали мы на полу, на так называемых сенниках, т.е. чехлах, набитых высушенной травой. В спальник залезать не стал, лёг на него сверху и накрылся видавшим виды байковым одеялом. Однако перед этим зачехлил вход в палатку, а возле себя положил фонарик и — чего уж там скрывать — топор.

Проснулся от странного ощущения, что в палатке — не один. Вернее — не так! Я очнулся из-за какой-то невероятной теплоты, разливавшейся по всему телу, со спины… И тут же услышал дыхание, которое явно было не моим…. Всей спиной

отчётливо ощутил что-то большое и тёплое, прижатое ко мне с той стороны, через парусину палатки… Волосы на голове встали дыбом!!! Липкий противный страх, а точнее — невообразимый ужас охватил меня настолько, что я почти лишился способности не только двигаться, но и нормально соображать… На ручных часах с подсветкой высветилось время: 2 часа… Я был уверен, что здесь, в долине, ночью, я — один, а люди — где-то там, за несколько километров… И вдруг такое…

Господи! Чего только не промелькнуло у меня в голове за эти несколько минут, пока я лежал в состоянии почти полной прострации. «Что-то» тоже лежало, дышало и не шевелилось… Наконец, придя в себя, собрав в кулак остатки воли и затаив дыхание, я стал тихонько ползти ко входу палатки, прихватив с собой фонарик и топор. Никаких звуков или шагов не слышалось. Небо было звёздным и луна, как божий фонарь, неярко освещала местность. Доползши до угла, я осторожно выглянул. Что-то большое, плохо различимое в лунном свете, темнело прямо у палатки. И, тут я не выдержал: вскочил на ноги и с колотящимся сердцем, сжимая в руке ручку топора, включил фонарик… Огромная лохматая собака, приподняв голову, вовсе не с испугом, а — как мне показалось тогда — даже с некоторым изумлением смотрела на меня… Господи! У меня по-прежнему продолжало вовсю колотиться сердце, но, поверьте, уже от радости… Было даже какое-то странное желание обнять этого, невесть откуда взявшегося пса.

Впрочем, вскоре всё стало вполне понятным. Одним из важнейших продуктов нашего питания была мясная тушёнка. Пустые банки из-под неё, как и другие пищевые отходы, выбрасывались в специально вырытую мусорную яму, расположенную в 50-ти метрах от палатки. Туда, на дармовое питание, и повадилась разная живность, в том числе собаки, вероятно, из близлежащих околиц Коктебеля.

Да, всё оказалось объяснимым, кроме, пожалуй, одного: почему это лохматое создание, навестив место временного кормления, устроилось на ночлег именно у палатки, прижавшись к теплу незнакомого ей человека… А ведь это было…

26.01.2012

Коварная пастушка

Иные «приключения» в нашей экспедиции случились вблизи Феодосии, где волею судьбы мы вынуждены были производить спасательные археологические раскопки. Связано это было с тем, что траншея строящегося газопровода «удачно» попала на остатки древнего поселения, основательно разрушив его центральную часть. Нам оставалось исследовать то, что, к счастью, оказалось не тронутым бурной «созидательной» работой строителей. После укладки участка газопровода энтузиазм последних как-то поубавился: то ли трубы закончились, то ли погода не располагала к трудовой деятельности. На объекте наступило временное затишье. За несколько дней до нашего приезда здесь прошли сильные продолжительные дожди. И прорытая довольно глубокая и широкая, но ещё беструбная и не засыпанная землёй траншея успешно наполнилась более чем наполовину водой, превратившись в этакий канал, на радость представителям не только дикой, но и домашней орнитофауны в виде гусей и уток из расположенного поблизости села.

Рядом с этой, временно возникшей водной коммуникацией и объектом наших исследований я и мой начальник Виталий Александрович установили испытанную десятиместную экспедиционную палатку. И началась обычная, и привычная (уже и для меня) полевая археологическая работа.

Через пару дней мы обратили внимание, что вблизи «канала», напротив нашего лагеря, появляется не только водоплавающая птица, но и стадо овец, под предводительством большого красавца-барана, которое пасли разные люди. Этот факт позволил нам сделать вполне логичное умозаключение о том, что стадо — общественное. И вот в один из дней мы увидели за «каналом»… Её — Пастушку, с лёгкой хворостинкой в одной руке, книгой — в другой, в босоножках и достаточно откровенном по тем временам купальнике, состоящем из двух частей. Наряд её дополняла кокетливая соломенная шляпка. Дама явно сочетала полезное — общественное, с приятным — индивидуальным. Выражаясь метким языком пролетариата, она являлась «многостаночницей»: пасла скотину, загорала и, с помощью книги, повышала интеллектуальный уровень. Было ей слегка за 30, и выглядела она настолько приятно, что мой начальник, хоть и бывший в те времена привержен-

цем твёрдых моральных устоев, нет-нет, да и поглядывал в её сторону… Впрочем, может быть, мне тогда это только казалось. Пастушку же нисколько не интересовали ни мы, ни наша весьма увлекательная работа. Похоже, что и общественная нагрузка её никак не занимала. Она, несомненно и всецело, отдавалась двум страстям: солнцу, уже основательно позолотившему её белую кожу, и чтению явно увлекательной книги. Последняя страсть Пастушки чуть было не привела к губительным, если не сказать — ужасным последствиям…

Наш спокойный, после рабочего дня, отдых в палатке внезапно нарушил гулкий шум и многоголосое блеяние. Выскочив наружу, мы оторопели: овечье стадо во главе с бараном стремительно приближалось к нам, а вернее — к заполненной водой траншее. Баран на несколько секунд задержался на обрывистом берегу, словно раздумывая, а затем со всего маху рухнул в воду. Намерения овец были абсолютно ясны: они были полны решимости следовать за вожаком!

— Отгоняй их от воды! — закричал Виталий Александрович.

Благо, вокруг было много комков засохшей земли, чем я и воспользовался, прицельно меча их в рвущихся к воде овец. Между тем, вожак, то погружаясь, то выныривая, успешно тонул… В последний момент шефу удалось набросить ему на рога верёвочную петлю, и мы стали вытягивать животное. С большим трудом извлекли его из воды, поскольку пребывание в ней основательно увеличило и без того немалый вес барана. Наблюдавшее за нашей спасательной операцией, сбившееся в кучу, стадо жалобно блеяло, но к траншее уже не приближалось. Вожак лежал на боку. Изо рта у него пошла пена, потом — вода. Вскоре он открыл обезумевшие глаза, попытался встать, свалился. Наконец, баран утвердился-таки на ногах, но почему-то стал ходить по кругу, как цирковая лошадь… Было такое ощущение, что животное — явно не в себе…

Вблизи стада, с той стороны траншеи, вдруг появилась Пастушка, с традиционной книжкой в руке, в упомянутом выше пляжном одеянии.

— Вот, стадо Вам спасли от утопления! — с гордостью закричал ей Виталий Александрович.

Она никак не отреагировала на заявление моего начальника, исчезнув также внезапно, как и явилась…

Виталий Александрович, поглядывая на меня, радостно потирал руки: — Ну, что — будем ждать благодарности!

Какой благодарности он жаждал получить от Пастушки, я не знал, но, в силу определённого жизненного опыта и случившейся ситуации, полагал, что, ею, скорее всего, должна была стать вполне заслуженная нами маленькая, скромная «поляна». Ведь, не окажись мы в «нужное время в нужном месте», общественные овцы вслед за бараном могли «пойти на дно» …

Виталий Александрович до получения исторического образования в Одесском государственном университете и занятия любимым делом — археологией — прошёл серьёзную жизненную школу. В своё время ему приходилось работать проходчиком на шахте, был он и бригадиром строителей. А эти, настоящие мужские профессии, как известно, закаляют и укрепляют характер, позволяя достаточно философски относиться к жизни и глубоко понимать некоторые свойственные человеку слабости, которые можно расценивать как маленькие жизненные радости. Я это к тому, что Виталий Александрович, как и многие нормальные люди, любил в свободное от работы время опрокинуть одну-другую рюмку водки. Тем более что крепкое здоровье начальника к этому вполне располагало. Положив руку на сердце, не стану утверждать, что эта его позиция была для меня чуждой…

…Наше ожидание затягивалось. И вдруг со стороны села послышались приближающиеся голоса, сливавшиеся в гул, нечто вроде «улю-лю-лю», весьма напоминающий боевой клич, известных по кинофильмам, индейцев-команчей. Через несколько минут на земляном бруствере траншеи появился десяток распалённых мужиков с палками в руках, злобно кричащих что-то типа «Мы вам, суки, сейчас покажем, как воровать чужих овец». Из-за их спин выглядывала Пастушка. Мужики на некоторое время застыли перед водной преградой, но самый здоровый и активный из них, видимо, — предводитель (а возможно, тот, у которого в стаде было наибольшее число овец) призвал соратников к форсированию «канала». Цель «гостей» была предельно проста и понятна: они непременно собирались побить нас палками! И вот тут-то и проявились во всей красе мужество и пролетарско-шахтёрская закалка Виталия Александровича!

Подбежав с топором в руке к воде, он зычно выкрикнул буквально следующее: — Первого вступившего на наш берег зарублю на месте!

Твёрдость голоса и взгляд начальника, подкрепляемые взмахами топора, произвели самое серьёзное впечатление на наших неожиданных визитёров. Посовещавшись с минуту, они вернулись в село.

— Вот стерва! — конечно, имея в виду Пастушку, подвёл итог нашему приключению Виталий Александрович — «Прошляпила» стадо, а из нас воров сделала. А внешне — симпатичная! — с грустью завершил он.

Мне показалось, что именно последнее обстоятельство более всего расстроило моего начальника.

Как бы там ни было, но история с бараном всё же завершилась хэппи-эндом. В селе в этот же день, очевидно, проведя «необходимое дознание», разобрались, кто же виноват в опасном купании барана в траншее, и к вечеру к нам пожаловала делегация из тех же мужиков, но уже вполне дружественная. И была «поляна» по случаю спасения стада, а также торжественная передача вожака стада в хозяйские руки, подкрепляемая обычными в таких случаях заверениями в любви и дружбе.

Но, почему-то, вспоминая об этом случае, на ум невольно приходит, казавшаяся ранее весьма сомнительной, мудрость: — Никакое благое дело не остаётся безнаказанным…

27.01.2012

Бег быка

И был в экспедиции день. И не простой, а — выходной, с красивым названием «воскресенье». И тут следует сказать, что у «народа», работающего на раскопках, в отличие от иных нормальных тружеников, день отдыха (а он возможен лишь раз в неделю) не всегда совпадает с воскресеньем. Более того, в силу острой экспедиционной необходимости, этот самый день отдохновения властью начальника (а начальник в экспедиции — да будет вам известно — царь и бог!) может быть отменён на некоторое время или, говоря деликатным языком, — «перенесён». Правда, бывает и иное, когда погодные условия, обычно дожди, вносят серьёзные коррективы в раскопочную деятельность. И тогда сотрудники, для вида, лицемерно кляня погоду, какое-то время с удовольствием предаются изысканному безделью. Особенно хорошо воспринимается это состояние, когда уже выполнен значительный объём археологической работы и наступает физическая и психологическая усталость.

Итак, был выходной день — воскресенье. И мой начальник Виталий Александрович решил, что его нужно отметить не просто банальным отдыхом, но и некоторым экспедиционным гурманством, имея в виду расширение нашего довольно однообразного пищевого рациона. В итоге мне было поручено купить у жительницы одного из близлежащих сельских домов, держащей корову, трёхлитровую банку молока.

— Я уже с ней договорился, — весело сообщил начальник. — Вот, возьми деньги, да захвати ведро, поставишь туда бутыль, всё легче будет нести, чем в руках. Попьём свежего молочка, остаток вскипятим. Молоко — полезно для здоровья!

С последним постулатом трудно было не согласиться, хотя, если честно, мне очень не хотелось шлёпать по жаре на весьма приличное расстояние. С утра я уже определился с основной целью, которую хотелось осуществить в этот выходной, а именно — всласть покупаться в расположенном за сотню метров от нас рукотворном неглубоком озере, излюбленном месте отдыха сельского населения, особенно мальчишек. Но, как человек, недавно отслуживший в армии, я прекрасно усвоил известный армейский девиз: — Приказ начальника — закон для подчинённых!

А потому, надев красные шорты (которые Виталий Александрович не без ехидства называл «революционными»), а на ноги — лёгкие пляжные шлёпанцы, именуемые в народе «вьетнамками», с ведром в руках я отправился по протоптанной тропинке, насвистывая что-то безмятежное, к сельской молочнице…

Когда до её дома оставалось метров тридцать, я увидел в стороне от тропинки пасшегося чёрного быка.

Он был огромный, с хорошо выраженными признаками пола и длинными рогами, напоминающими вилы.

Поскольку я не испытываю какого-либо доверия ко всем копытным рогоносцам, особенно отличающимся большими размерами, я постарался пройти мимо быка как можно быстрее, не выясняя, привязан ли он, или находится «в свободном плавании», хотя заметил, что в носу у животины — железное кольцо. Бык повернул голову в мою сторону и, как показалось, внимательно посмотрел, что мне совсем не понравилось…

Я возвращался в лагерь, отягчённый банкой молока в ведре и настолько погружённый в приятные представления о предстоящем купании, что не сфокусировал внимание на знакомом мне быке. И совершенно опрометчиво!

Мои безмятежно парящие в облаках мысли были внезапно и бесцеремонно сброшены наземь гулким могучим топотом. О, ужас! Прямо ко мне неслась чёрная громадина! Ждать её приближения было бы чистым безумием. И я рванул! Да так, что мне наверняка бы позавидовали признанные спринтеры. Не приспособленные для подобного передвижения «вьетнамки» моментально слетели с ног… А за спиной отчётливо слышалось жаркое пыхтение быка. На секунду промелькнула мысль: а не мои ли «революционные» шорты так взволновали животное? Ведь дразнят же быков на арене алым куском материи! Однако снять сей, явившийся для быка своего рода мулетой, атрибут одежды, на бегу, — возможности не было. Внезапно понял: мне не убежать от быка с «молочным» ведром в руке. На мгновение притормозив, я, как воздухоплаватель при наборе высоты, избавился от «балласта»… И, вдруг, топот прекратился. Я обернулся и не поверил глазам: мой рогатый преследователь мирно стоял у ведра, засунув в него морду. Вскоре он замычал — разочарованно и, как показалось, очень обиженно. Мне стало всё понятно. Истомлённое солнцем животное попросту очень хотело пить. Моё ведро,

когда я направлялся за молоком, привлекло его внимание. Но я-то шёл тогда с пустым ведром и вовсе не со стороны села, где был его дом. А он всё ждал, что кто-то придёт именно оттуда с ведром колодезной воды…

Виталий Александрович очень одобрительно отозвался об умственных способностях быка, не перевернувшего ведро и не разбившего нашу стеклянную банку.

После обеда, украшением которого послужило молоко, мы выбрались из палатки, поскольку полуденное солнце припекало и внутри стало нестерпимо душно. Полог нашего брезентового «дома» мы широко открыли для проветривания. Я, было, собрался идти купаться, когда внезапно подул непонятно откуда взявшийся среди спокойного летнего дня сильный ветер, и произошло то, что, несомненно, заслуживает отдельного повествования.

28.01.2012

Наш дельтаплан

Порывы ветра нарастали с каждым мгновением, и мы увидели надвигающийся издалека в нашу сторону, вращающийся, как огромная юла, втягивающий в себя и отрывающий от земли всё, что только можно, воздушный смерч. Вверх летела пыль, сухая трава, мелкие кусты, всякий мусор. Мы смотрели на происходящее, как завороженные… Мне приходилось и раньше, но с приличного расстояния, наблюдать подобные природные явления. В детстве я видел, как воздушным потоком было вырвано с корнями, покрытыми землёй, небольшое дерево, поднято метров на двадцать в небо, а затем с силой брошено вниз. А дед мой даже утверждал, что в 20-е годы, вблизи нашего крымского городка, был свидетелем того, что смерч поднял над землёй телегу с лошадью и возницей. Впрочем, тогда я отнёсся к этому повествованию не серьёзней, чем к известным рассказам барона Мюнхгаузена. Но сегодняшний смерч был рядом и двигался узкой вертикальной полосой прямо на нас.

— Ложись на землю! — скомандовал начальник.

Нас обдало воздушным потоком, словно холодной волной. И, вдруг, будто в замедленной съемке, металлические колышки, закреплявшие с помощью растяжек палатку, стали «вылезать» из земли под диким напором ветра: наш брезентовый «дом», имеющий весьма солидную площадь, стал обретать удивительную парусность.

— Спасай казённое имущество! — сквозь порывы ветра закричал Виталий Александрович, хватаясь за верёвочные растяжки палатки…

Я без промедления последовал его примеру…

Следующий удар ветра был таков, что палатку сорвало с места и потащило вверх, а потом в сторону. Нас легко оторвало метра на два от земли и с приличной скоростью понесло в сторону озера… К счастью, на пути никаких препятствий типа деревьев или столбов линии электропередачи не было. Мёртвой хваткой вцепившись в импровизированные стропы, мы не бросали нашего огромного «дельтаплана». Трудно сказать, с чем это было в тот момент связано: глубоким ли осознанием необходимости беречь экспедиционное имущество или боязнью покалечиться, свалившись на скорости на землю. Полагаю, главную роль сыграло всё же первое обстоятельство…

Мы стремительно приближались к озеру. Сотня метров, отделявшая наш лагерь от него, была преодолена за считанные секунды! Наверняка, ни до, ни после этого случая обитатели небольшого села возле Феодосии, отдыхавшие вблизи озера, не были свидетелями столь захватывающего зрелища — летящей невысоко над землёй огромной палатки с двумя болтающимися под ней, как сосиски, «воздухоплавателями»…

Приводнение было шумным, но, к счастью, недалеко от берега, и на небольшой глубине. К месту падения нашего «летального аппарата» собрался люд, загоравший у озера. Общими усилиями, под руководством моего начальника, брезентовый «дом-беглец» был извлечён из водной стихии, а затем торжественно доставлен на место его первоначального пребывания.

Этот трагикомический случай ещё более утвердил меня в мысли о всесилии окружающей нас природы. А глядя на парящих в небе дельтапланеристов, я хорошо понимаю, чем их так привлекают восходящие воздушные потоки…

29.01.2012

ЭССЕ

Он открыл для меня поэта Павла Васильева
Две встречи с Григорием Петниковым

В далёкие уже 1960-е годы у меня произошла встреча (а точнее, две) с одним из интереснейших, тонко и всесторонне образованных русских литераторов XX века, переводчиком, фольклористом, но в первую очередь — проникновенным лириком, «поэтом утреннего света» (как назвал его в свое время Николай Тихонов), «Председателем земного шара-2» Григорием Николаевичем Петниковым [1] (1894—1971).

На протяжении тринадцати своих последних лет поэт проживал на моей малой родине, в небольшом тихом городке Старом Крыму (Юго-Восточный Крым), славящемся живописной природой, целебным климатом и памятниками старины.

В ту пору я был учащимся не столь давно открывшегося в Феодосии политехникума и участником литературного объединения «Рассвет» при городской газете «Победа». Руководил феодосийским ЛИТО поэт и прозаик Яков Иванович Рудь, которому я много чем обязан в жизни и которого, увы, уже с нами нет.

Он и посоветовал мне навестить Григория Николаевича, с которым встречался ранее, сказав при этом следующее: — А ведь в вашем Старом Крыму живет старейший русский поэт Григорий Петников. Он был дружен с Владимиром Маяковским, футуристами — братьями Бурлюками, Велимиром

---

[1] Г.Н. Петников получил прекрасное образование. По окончании 3-й Харьковской гимназии, в 1913 году он поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Московского университета, одновременно посещал лекции в Народном университете им. Шанявского. В 1914—1918 годах учился на юридическом факультете Харьковского университета, в 1919—1922 годах — на литературном отделении Академии теоретических знаний (бывший Харьковский университет). Свободно владел несколькими европейскими языками.

Хлебниковым, хорошо знал Сергея Есенина. Вот бы взяли и показали ему свои стихи…

Надо сказать, что к этому времени уже были опубликованы мои первые поэтические опыты — в феодосийской «Победе» и некоторых других крымских газетах (чем в душе я безмерно гордился), и перспектива встретиться с Григорием Николаевичем, показать ему стихи и главное — выслушать, что же он скажет о них — представлялась мне чрезвычайно заманчивой. Но особенно меня привлекало то, что Петников был лично знаком с Сергеем Есениным. Я ведь в те годы (как и, очевидно, многие в юности) увлекался поэзией Есенина, постоянно читал его стихи и всё, что появлялось о нём в печати. Пять томов Собрания сочинений поэта, изданные в 1961 году, по сути, являлись моими настольными книгами.

До предложения Рудя посетить Петникова, я никогда не слыхал его имени, более того, — не знал, что он живет в Старом Крыму, куда я часто приезжал в отчий дом и к друзьям детства. Правда, впоследствии, уже после знакомства с Григорием Николаевичем, я вспомнил, что встречал ранее (естественно, не зная, кто это) на главной «магистрали» города — улице Ленина — довольно высокого седовласого мужчину с элегантной тростью в руке… Это был Г.Н. Петников. В те годы в Старом Крыму, в небольшом городе с населением 10—12 тысяч, где многие были знакомы или знали друг друга в лицо, с тростью никто не ходил. Это не могло не запомниться.

Телефонов у жителей Старого Крыма в 1960-е годы не было (телефонной связью обладали разве что первые лица города). Не имел телефона и Петников, а потому в гости к нему, летом 1969 года, я пришёл без предупреждения, «вооружённый» листком бумаги с адресом в руках, который написал мне Рудь, и тонкой (12 страничек) школьной тетрадкой со стихами. Мне тогда исполнилось 19 лет, и я был весьма романтичным юношей.

Как сейчас помню довольно просторный дом под № 27 на улице Розы Люксембург, с приусадебным участком, на котором рос виноградник. Я вошёл во двор и постучал в двери веранды. Мне открыла миловидная женщина. Спросила, кто я и по какому поводу. Это была Екатерина Кузьминична, жена Григория Николаевича. Я представился. Буквально сразу появился хозяин. И сейчас, по прошествии более 40 лет, эпизод этот в памяти сохранился весьма отчетливо…

Петников был в светлой отглаженной рубашке с расстёгнутым воротом, тёмных брюках. Волосы аккуратно расчесаны на пробор, в очках.

В таком, прямо скажем, парадном виде в старокрымских домах, во всяком случае, в тех, где мне приходилось бывать, не ходили. А ведь Григорий Николаевич явно не ждал никакого посетителя.

А теперь следует сделать небольшое отступление. Не столь давно, уже в 2000-е годы, я ознакомился с очерком известного поэта Леонида Вышеславского «Предземшара-2», где повествуется о его приезде из Киева к Петникову в Старый Крым в конце 1963 года. Поводом для этого послужило письмо от 21.X.1963 г., в котором Петников упомянул о том, что завещает титул «Председателя земного шара» Вышеславскому. При этом Вышеславский отмечает, что застал поэта «тяжело больным», ослабевшим, с трудом встающим с тахты и пр. Оснований не доверять этой информации, в общем-то, нет. Возможно, это действительно был период нездоровья у Григория Николаевича. Однако хочу подчеркнуть, что во время моего знакомства с Петниковым (а ему в то время было 75 лет) выглядел он довольно бодро и был, очевидно, вполне работоспособен. В подтверждение сказанного хочу напомнить, что в эти годы у Петникова в Симферополе, в издательстве «Крым», вышли буквально один за другим сразу два его поэтических сборника — «Утренний свет» (1967) и «Лирика» (1969)…

Мы расположились на просторной светлой веранде, и Григорий Николаевич поинтересовался целью моего визита. Я сказал, что родился в Старом Крыму, учусь в техникуме, увлекаюсь поэзией, состою в феодосийском ЛИТО и очень хочу, чтобы он посмотрел мои стихи. Петников взял мою тетрадку и стал внимательно читать.

Однако через некоторое время слегка поморщился (а если мне не изменяет память, даже фыркнул) и сказал буквально следующее: — Ну, что у вас всё Есенин да Есенин…. Да вы хоть представляете, каков был при жизни Сергей Александрович? Хотя, откуда вам это знать…. Впрочем, и поэзию его вам через сито просеивают…

Сейчас могу утверждать, что тогда я не все сказанное о Есенине понял, особенно о просеивании его поэзии. Но чётко почувствовал некий негатив Петникова по отношению к Есенину, а также то, что он моментально уловил есенинское влияние в моих стихах.

А далее Григорий Николаевич произнес фразу, которую я запомнил на всю жизнь: — Молодой человек, а почему вы убеждены, что в российской словесности 20-х — 30-х годов XX века не было лиц, которые по силе таланта и по трагичности судьбы не уступали бы Сергею Есенину?

Я молчал, поскольку такие поэты мне не были известны.

Петников на некоторое время покинул меня, а затем возвратился с небольшой книгой в руках: — Это — Павел Васильев. Вы слыхали о таком поэте?

Я ровным счетом ничего не знал о Павле Васильеве.

— Возьмите, прочитайте, а потом приходите — поговорим!

Мою тетрадку со стихами он оставил у себя…

Томик стихов Павла Васильева был небольшим, и буквально за два—три дня я прочел его что называется «от корки до корки»…

Из краткой биографической справки о поэте я узнал, что он родился в 1910 году в городе Зайсан, на северо-восточной окраине Казахстана, рано начал писать стихи, в 18 лет поступил в Москве в Высший литературно-художественный институт имени В.Я. Брюсова (впоследствии Литературный институт имени М. Горького), написал две книги очерков, десять поэм, несколько десятков стихотворений. В 1937 году поэт был репрессирован и пал жертвой «культа личности».

Действительно, «в трагичности судьбы» Павел Васильев, не доживший до 27 лет, явно не уступал Сергею Есенину [1]…

---

[1] Ныне известно, как планомерно и системно уничтожался поэт Павел Васильев. В 1932 г. он вместе с Е. Забелиным, С. Марковым, Л. Мартыновым и другими сибирскими литераторами был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группировке литераторов — дело т. н. «Сибирской бригады», — однако осужден не был. В 1934 г. против П.Васильева развернулась кампания травли, в ходе которой его обвиняли в пьянстве, хулиганстве, белогвардейщине и защите кулачества, к которой присоединился и М. Горький, указав на целесообразность его «изолирования». В 1935 г. в результате окололитературных провокаций и доносов поэт был осужден за «злостное хулиганство», весной 1936 г. освобожден. В 1936 г. на экраны СССР вышел фильм «Партийный билет» в котором Павел Васильев стал прообразом главного героя — «шпиона», «диверсанта» и «врага народа» В феврале 1937 г. Павел Васильев был вновь арестован и 15 июля приговорен к расстрелу по обвинению в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина. Расстрелян в Лефортовской тюрь-

…Я читал стихи Павла Васильева и ловил себя на мысли, что, несмотря на явное отличие их от поэзии Сергея Есенина, они во многом созвучны. Так, П. Васильев писал:

С тёмными спокойными бровями,
Ты стройна, улыбчива, бела.
И недаром белыми руками
Ты мне крепко шею обняла…

(«Анастасия», 1934)

Сразу вспомнилось из раннего Сергея Есенина:

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая была,
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

(«Не бродить, не мять
в кустах багряных…», 1916)

Интонации, близкие есенинским, слышались и в других стихах Павла Васильева:

В чёрном небе волчья проседь
И пошел буран в бега,
Будто кто с размаху косит
И в стога гребёт снега.

ме 16 июля 1937 г. Похоронен в общей могиле «невостребованных прахов» на новом кладбище Донского монастыря в Москве. Таким образом, травля поэта продолжалась в течение 6 лет из отпущенных ему судьбой немногим более 26 лет… В эти годы у П. Васильева появлялись горькие строки, в которых он пытался отмести предъявляемые ему обвинения:

— Не хочу резным иконостасом
по кулацким горницам стоять!

Не помогло…
К слову сказать, ничего удивительного в том, что я ничего не знал о Павле Васильеве, нет. Его творчество упорно замалчивалось по 1960-е гг., и сейчас я думаю, что томик стихов, который мне дал Г.Н. Петников был первой изданной книгой поэта — *Павел Васильев*. Стихотворения и поэмы. — Новосибирск: Западносибирское книжное издательство, 1966.

На косых путях мороза
Ни огней, ни дыму нет,
Только там, где шла берёза,
Остывает тонкий след.

Шла берёза льда напиться,
Гнула белое плечо…

(«Песня», 1933)

Сейчас, пребывая в ином возрасте, я могу рассуждать: созданы ли эти стихи под влиянием С. Есенина (ведь васильевская «Анастасия» написана через 18 лет после есенинского «Не бродить, не мять в кустах багряных) или же следует думать, что это — просто следствие некоего родства душ двух русских поэтов-лириков, а значит, — виденья окружающего мира, отношения к женщинам и пр.

Но тогда, в 1969 году, читая стихи Павла Васильева, я лишь ощутил сходство их мелодики, образности, пронзительной, берущей за душу искренности с есенинской поэзией. Вместе с тем, оценил я и буйную, безудержную силу и песенность слова Павла Васильева. Помню также, какое впечатление произвела на меня его поэма «Соляной бунт».

Тогда же бросилась в глаза и внешняя похожесть Павла Васильева на Сергея Есенина: также красив, кудряв, золотоволос.

Ныне известно, что Васильев любил поэзию Есенина, чтил его как поэта и человека. Он посвящал стихи сестре Есенина Екатерине, был знаком и с её мужем, поэтом Василием Наседкиным. Общался он и с кругом литераторов, которые были близки Сергею Есенину, в частности, — с Рюриком Ивневым. Кстати, этот друг Есенина, пожалуй, первым, в нескольких своих стихотворениях отметил, что в русской поэзии на смену Сергею Есенину пришел Павел Васильев. И впоследствии, умудрённый жизненным опытом, поэт писал:

Я помню Есенина в Санкт-Петербурге,
Внезапно поднявшегося над Невой,
Как сон, как виденье, как дикая вьюга,
С зелёной листвой и льняной головой.

Я помню осеннего Владивостока
Пропахший неистовым морем вокзал.
И Павла Васильева с болью жестокой
В еще не закрытых навеки глазах.

(«Я помню Есенина
в Санкт-Петербурге», 1965)

…Через несколько дней я вновь открыл уже знакомую мне калитку во двор дома Г.Н. Петникова.

Хозяин встретил радушно: — Ну, что, молодой человек, убедил я вас, говоря о трагичности судьбы и силе таланта русского поэта Павла Васильева?

Я сейчас не помню своего точного ответа Григорию Николаевичу, что-то вроде казённой фразы: — Стихи Павла Васильева произвели на меня чрезвычайно сильное впечатление.

— Ещё бы! Ведь таких образов и такой силы слова вы не встретите и у столь обожаемого вами Есенина!

Григорий Николаевич открыл томик Васильева, пролистал несколько страниц: — Вот! Это из стихотворения «Тройка». Послушайте!

И прочитал мне следующие две строфы:

Ресниц декабрьское сиянье
И бабий запах пьяных кож,
Ведро серебряного ржанья —
Подставишь к морде — наберёшь.

И далее:

Рванулись. И — деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!

— Каково, а? Вы ощущаете мощь и красоту васильевских образов, с помощью которых он изображает мчащуюся русскую тройку? «Ведро серебряного ржанья — подставишь к морде — наберёшь.… Вонзая в быстроту копыта, полмира тащит на вожжах»!..

Он явно с большим удовольствием цитировал строки Васильева…

Каких-либо похвал по поводу моих поэтических опытов Григорий Николаевич не расточал.

Однако, возвращая мне тетрадку, заметил: — Юноша, вам следует продолжать писать стихи. Но при этом — читайте как можно больше классику.

На мое замечание, что я увлекаюсь в последнее время, помимо Сергея Есенина, поэзией Александра Блока, Константина Бальмонта, тут же отреагировал: — Но этими поэтами русская классическая литература вовсе не исчерпывается…

С тех памятных встреч прошли десятилетия. Благодаря Григорию Николаевичу, стихи Павла Васильева стали для меня родными и близкими: он, по сути, вошёл в круг наиболее любимых мной представителей русской словесности. Ну, а совету, который дал мне Г. Н. Петников, я следую всю жизнь…

2010

Н. Грин. 1927: об одной книге из библиотеки великого романтика

В 1974 году, ещё до моего поступления на исторический факультет Симферопольского государственного университета имени М.В. Фрунзе [1], в моих руках достаточно неожиданным образом оказался ряд весьма интересных книг. Попали они ко мне из библиотеки Старого Крыма — старинного крымского городка, где я родился и рос.

Крымские библиотеки (а, по-видимому, данное явление было более обширного масштаба) в этот период настигла волна очередной «чистки». Совершенно по непонятным причинам из библиотечного фонда изымались разнообразные книги, часть которых — дореволюционного издания, с последующей отправкой их в макулатуру, т.е. уничтожением.

…Помню, как в одно из моих очередных посещений библиотеки хорошо знакомая мне библиотекарь Хараничева Нина Стилиановна сказала буквально следующее: — Сергей, ты можешь посмотреть книги, отобранные для сдачи в макулатуру. Те, что понравятся, возьми себе!.

…В подсобном помещении библиотеки лежали в беспорядке сваленные в кучу книги. Я отобрал около двух десятков томов, некоторые из которых относились к концу XIX — началу XX веков.

Среди них была и довольно толстая книга, внешне ничем не примечательная, в самодельном переплёте, оклеенном бумажной тканью. Тем не менее, она сразу же привлекла моё внимание автографом, который имелся на титульном листе издания. Впоследствии эта книга в течение многих лет «обитала» в моей личной библиотеке и лишь недавно, в 2008 году, я передал её в Литературно-художественный музей Старого Крыма [2].

Весь дальнейший рассказ — о ней. Под одной обложкой книги объединены два тома собрания сочинений Оноре де Бальзака. Том XIII включает романы «История величия и падения Цезаря Бирото» (перевод Н.К. Ивановой) и «Брач-

---

[1] Ныне Таврический Национальный университет имени В.И. Вернадского.

[2] СКЛХМ, номер по книге поступлений — КП 3203. Инвентарный номер Д 1900.

ный договор» (перевод М.Л. Лахтенштадт). Общий объём — 336 страниц. Том XIV содержит роман «Первый шаг» (перевод М.Л. Лахтенштадт) и рассказы «Проклятый сын», «Гамбара», «Максимилиан Денни» (перевод М.А.Коноплёвой). Общий объём 327 с. Оба тома изданы в 1898 году в Санкт-Петербурге (типография братьев Пантелеевых, ул. Верейская, 16).

В правом верхнем углу титульного листа тома XIII и расположен упомянутый автограф, нанесённый чёрными чернилами слегка округлым почерком — **«Н. Грин. 1927».** Сомнений в том, что эта подпись принадлежит Нине Николаевне Грин, второй жене великого романтика Александра Степановича Грина — нет. Почерк, которым нанесён автограф, абсолютно идентичен почерку Нины Николаевны, хорошо известному по довольно многочисленному её эпистолярному наследию и иным документам.

Учитывая год издания названных томов О. Бальзака (1898) и время, зафиксированное на них владельцем, в данном случае Н.Н. Грин (1927), можно предположить, что эти тома (уже в переплетённом состоянии), были либо подарены кем-то Нине Николаевне, либо приобретены ею в упомянутый год, возможно, в одном из букинистических магазинов Феодосии. Как известно, в это время семья Гринов проживала на съёмной квартире по улице Галерейной [1], вблизи моря.

Конечно, эти бальзаковские тома читали и Нина Николаевна, и Александр Степанович. Тонкий знаток и ценитель творчества Александра Грина, сделавший чрезвычайно много для сохранения памяти великого романтика, замечательный писатель Константин Паустовский подчёркивал, что на протяжении всей своей литературной жизни А. Грин чрезвычайно много читал не только отечественных авторов, но и зарубежных писателей: «Мопассана, Флобера, Бальзака, Стендаля… Свифта и Джека Лондона» [2].

На каждом из томов книги стоят штампы: на страницах 1, 17 — городской библиотеки Старого Крыма (№ 3440), а на страницах 1, 33 и последней в каждом томе — Старокрымской городской управы (№ 358), на русском и немецком языках.

---

[1] Ныне в ней находится Феодосийский литературно-мемориальный музей Александра Грина.

[2] *Паустовский К.* Жизнь Александра Грина. *В кн.*: А. Грин. Избранное. — Кировское книжное издательство, 1959. — С. 13—14.

Эти факты вполне определённо свидетельствуют о том, что книга с автографом Нины Николаевны находилась в библиотеке Гринов с 1927 по начало 1940-х годов, т.е. до начала оккупации немецкими войсками Старого Крыма [1]. При этом 5 лет из этого периода приходятся на последние годы жизни Александра Степановича: вначале в Феодосии, а затем, до смерти писателя (8 июля 1932 года) — в Старом Крыму, куда в ноябре 1930 года переехало семейство Гринов.

А теперь уместно обратить внимание на следующий момент. Не столь давно крымский краевед, один из авторов книги «Старый Крым» Валерий Зеленский, попытавшийся отыскать следы личной библиотеки А.С.Грина, пришёл к неутешительному выводу: «*Судьба гриновской библиотеки печальна. После войны книги были переданы в старокрымскую городскую библиотеку*» и их судьба — неизвестна [2]. Как мы видим, по крайней мере — одна из книг сохранилась и поступила в эту библиотеку, возможно, от самой Нины Николаевны в период оккупации города…

На страницах произведений, размещённых в двух томах О. Бальзака, имеются 23 пометки, отразившие внимание читателя к тем или иным фразам великого французского писателя. Они нанесены в 11 случаях простым графитным карандашом, аналогичное число раз — цветными карандашами и в одном случае — фиолетовыми чернилами. При этом 16 из 23 пометок — это вертикальные линии на полях текста: простым карандашом 7 пометок, цветными — 9. По-видимому, они оставлены рукой одного и того же человека. Тем более, сказанное относится к пометкам в виде подчёркивания строчек текста простым карандашом (4 случая), и, скорее всего, к пометкам в виде «галочки» (3 случая) — синим карандашом (2) и фиолетовыми чернилами. В идеале это могли быть, скажем, 3 разные читатели. Но не исключено и другое: один и тот же

---

[1] Н.Н. Грин в период оккупации Старого Крыма (2 ноября 1941 — 13 апреля 1944 гг.) проживала в городе.

[2] *Сеттарова И.В.* К сорокалетнему юбилею со дня официального открытия Мемориального Дома-музея А.С. Грина в Старом Крыму. С материалами этого доклада Ирина Владимировна Сеттарова (заведующая сектором научно-фондовой работы Старокрымского Литературно-художественного музея) любезно ознакомила меня во время моего посещения музея.

читатель по какой-то причине использовал разные способы нанесения пометок на тексте. Хотя это — менее вероятно…

Конечно, все пометки или какая-то их часть могли появиться на страницах бальзаковских томов ещё до попадания их в книжное собрание Гринов или напротив — после того, как эти книги были переданы в Старокрымскую городскую библиотеку. Однако в равной степени мы вправе предположить, что некоторые пометки оставлены рукой Нины Николаевны или самого Александра Степановича.

Возможно, в определённой степени этому может помочь содержание помеченных отрывков бальзаковских текстов. Речь, разумеется, абсолютно не идёт о каком-либо заимствовании, в частности А.С.Грином, во многом афористичных мыслей О.Бальзака. Но сентенции французского писателя вполне могли соответствовать неким соображениям самого Александра Степановича, в том числе — нашедшим отражение в его творчестве. Разумеется, они могли быть высказаны Грином ещё до чтения данных бальзаковских произведений, или, наоборот, послужили неким толчком для его размышлений, что могло отразиться в произведениях романтика, написанных позже 1927 года. Повторяю, имеются в виду лишь созвучия мыслей и не более. В принципе, такой факт возможен, хотя, конечно, не обязателен.

Для проверки этой версии пришлось обратиться, по сути, ко всем изданным произведениям Александра Грина.

Хочу попутно заметить, что из многообразия помеченных строк в бальзаковских книгах мне изначально показались *наиболее* близкими духу гриновских героев, например, следующие выделенные строки.

1. *«Ненависть без мщения подобна семени, упавшему на гранит, но далеко не бесплодна она, если соединена с жаждой мести»* (Роман «История величия и падения Цезаря Бирото», т. XIII, страница 44).

2. *«Всякая продолжительная любовь начинается мечтаниями»* (Роман «Первый шаг», т. XIV, страница 199).

3. *«Даже самая чистая любовь предпочитает тайну»* (рассказ «Проклятый сын», т. XIV, страница 207).

4. *«Рассказ кончается. Вы думаете, что музыкальный источник истощён, что вы никогда не слышали ничего подобного, а между тем вы видели только одно выражение человеческой жизни»* (рассказ «Гамбара», т. XIV, страница 254).

Заслуживают особенного внимания последние три цитаты: на мой взгляд, они вполне соответствуют стилю романтического восприятия мира А.С. Грином. Любопытно, что эти отрывки бальзаковских текстов и помечены одинаково — подчёркнуты простым карандашом, а первая из приведённых цитат — из романа «История величия и падения Цезаря Бирото» — отмечена сбоку, на полях, красным карандашом.

Как представляется, в определённой степени перекликается с бальзаковскими мыслями о любви (цитаты № 2—3), следующие душевные переживания главного гриновского героя в рассказе «Крысолов» (1924 год), наполненные мечтательной лирической грустью и лёгким шелестом тайны: *«Я вспомнил девушку в сером платке, застегнувшую мой ворот английской булавкой — мог ли я забыть это движение? Она была единственным человеком, о котором я думал красивыми и трогательными словами. Бесполезно приводить их, так как, едва прозвучав, они теряют свой пленительный аромат»* [1].

А вот строчка Бальзака, содержащая рассуждения о ненависти и мести (цитата № 1), похоже, созвучна гриновскому описанию осуществления мести пылающим ненавистью скрипачом Ягдиным — одним из главных персонажей рассказа «Чёрный алмаз» (1916 год) — по отношению к Трумову, любовнику его жены: *«Глаза Ягдина горели болезненным огнём сдержанного волнения. Он испытывал сладчайшее чувство утоляемой ненависти, почти переходящей в обожание врага, в благодарность его мучениям… Вся месть была вообще, издалека обдумана музыкантом»* [2].

И, наконец, почему-то кажется, что бальзаковский пассаж «Рассказ кончается…» (Цитата № 4), с лёгким флёром недосказанности, чем-то напоминает замечательные гриновские строки о Несбывшемся в «Бегущей по волнам» (1928 год): *«Рано или поздно, под старость или в расцвете сил, Несбывшееся зовёт нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел его зов. Тогда, очутившись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днём, всматрива-*

---

[1] *Грин А.С.* Собрание сочинений в шести томах. Том 4. — Библиотека «Огонёк» Издательство «Правда». — М., 1965. — С. 373.

[2] *Грин А.С.* Собрание сочинений в шести томах. Том 4. — Библиотека «Огонёк» Издательство «Правда». — М., 1965. — С. 141.

емся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькнувшие черты?» [1].

Конечно, приведённые соображения — весьма гипотетичны. Но думаю, абсолютно отрицать вероятность того, что часть пометок на книге из личной библиотеки А.С.Грина оставлена рукой великого романтика, нельзя… Во всяком случае мне это представляется вполне вероятным.

7.12.2012

[1] *Грин А.С.* Собрание сочинений в шести томах. Том 5. — Библиотека «Огонёк» Издательство «Правда». — М., 1965. — С. 4.

«… Танки у села Корпеча стоят в грязи, а дождь все льёт»
(лирическая нота к 70-летию трагических событий Керченско-Феодосийской десантной операции)

Всё в этом мире неслучайно. И мой жизненный опыт вновь и вновь подтверждает эту сентенцию. В домашней библиотеке у меня хранится книга Константина Симонова *«Шёл солдат…»* (Москва, 1976), доставшаяся в наследство от отца. В ней Константин Михайлович повествует о простых солдатах, рядовых тружениках Великой Отечественной, ставших кавалерами Ордена Славы трёх степеней, что, по сути, приравнивалось к званию Героя Советского Союза. На второй, титульной, страничке — надпись, сделанная чёрными чернилами: *«Дорогой Анатолий Кириллович, примите от меня это на память в знак глубокого уважения»*. Далее — подпись *«Константин Симонов, 1.VIII.77»*. Книгу эту писатель-фронтовик Константин Симонов подарил моему отцу, Скорому Анатолию Кирилловичу, ушедшему из жизни 21-го июня 2007 года.

Чем же привлекла известного писателя, поэта, драматурга, по сути — классика советской литературы, замечательного летописца Великой Отечественной войны, мастера фронтовой лирики (вспомним, хотя бы энциклопедические «*Жди меня*», «*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины*») персона моего отца? Ведь это — не просто обычная надпись, которую зачастую маститые писатели оставляют на своих произведениях, чаще всего заранее купленных почитателями, жаждущими получить заветный автограф…

Думаю, здесь нет случайности. Детство и юность отца были в полной мере опалены войной: потеряв в военное лихолетье родителей, почти мальчиком он попал Бухенвальд, прошёл через все ужасы фашисткой неволи, принимал участие в подполье, а позже — 11 апреля 1945 года — в восстании, принёсшим победу и столь долгожданную, выстраданную свободу узникам. По сути, отец был тоже маленьким (по возрасту) солдатом той Великой и страшной войны, который также шёл к своей победе…

Его история послужила основой для документального рассказа известного крымского журналиста Николая Плясова *«Дорога на Эттерсберг»*, изданного в 1980-х годах в нескольких номерах одной из крымских газет, а недавно вошедшего

в его книгу «*Пшённая каша детства*» (Симферополь, 2011) [1]. По-видимому, отец при знакомстве с К. Симоновым поведал ему горькую историю своего искорёженного войной детства и юности, что и послужило мотивом для дружеской и трогательной надписи на подаренной книге. Стоит добавить, что отец многие годы был активным членом Советского фонда мира и получил золотую и серебряную медали «За укрепление мира» из рук главы фонда, «настоящего человека», легендарного лётчика Алексея Маресьева. Вспоминаю, как гордился он знакомством с этими выдающимися людьми.

В 1979 году, по прошествии двух лет со времени встречи с моим отцом, К.М.Симонов умер…

* * *

В 2011 году, т. е. более чем через 30 лет после знакомства отца с К.Симоновым, в очередной раз приехав из Киева на малую родину, в Старый Крым (АР Крым), я вознамерился побывать в районе Арабатской стрелки, в Восточном Крыму. По рождению — крымчанин и дожив до определенных лет, я к стыду своему ни разу не был в районе Арабата, хотя работать в археологических экспедициях на Керченском полуострове приходилось. В общем-то, мне хотелось поехать туда и раньше, а вот в этот приезд — почему- то особенно. Исправить «историческую несправедливость» вызвался мой товарищ, коллега-археолог Александр Гаврилов, работающий в Юго-Восточном Крыму и великолепно знающий этот регион, его историю и культуру, начиная от глубокой древности вплоть до событий Великой Отечественной войны…

И вот после недолгих сборов, невероятно жарким июньским днём запылили мы с ним на стареньком авто по степным дорогам в сторону Арабата…

По-июньскому солнце ярилось,
Сжечь пытаясь все зеленя.
Археолог Саша Гаврилов
В Крым Восточный вывез меня.

---

[1] Этот рассказ есть и в интернет-журнале «Гостиная» (выпуск № 27, «Перекрёсток вёсен»). Там же размещено моё эссе памяти отца «Вовеки Бухенвальд не позабудь!».

Не испорчены с ним мы бытом,
Взяв воды да скромный паёк,
На авто тряслись по избитым,
По путям жестоких боёв.

Перед нами расстилалась ровная крымская степь с лёгкими всхолмлениями, населённые пункты встречались нечасто. — А знаешь — произнес товарищ — мы сейчас проезжаем по местам, где осенью 1941, а потом в конце декабря 1941- до весны 1942 года проходили жесточайшие бои наших с немцами, особенно в период Керченско-Феодосийской десантной операции, которая явилась одной из трагических страниц в истории Великой Отечественной. Здесь — куда ни посмотри братские могилы, а в некоторых из них — тысячи, в том числе — безымянных наших бойцов. Это тех, тела которых удалось собрать и похоронить, а сколько так и остались без погребения… Есть участки земли, которые до сих опасаются пахать — слишком уж они нашпигованы смертельным металлом… Я подумал: — Господи, со времени начала войны прошло уже 70 лет, а она оказывается вот — совсем рядом…

Мы свернули на ещё более узкую, слабо наезженную степную дорогу. День клонился к полудню. Почти прямые лучи солнца жгли нетерпимо, раскаляя металлический корпус машины. Захотелось моря, но до Азова было ещё несколько десятков километров… — А вот сейчас — сказал мне вдруг Саша, когда позади остался населённый пункт с красноречивым названием Фронтовое, мы — на участке пути, которым в октябре 1941, и в феврале-марте 1942 годах не раз проезжал Константин Симонов, тогда — специальный корреспондент газеты «Красная звезда», в частности от с. Карпечь [1] (нынешнее Птичное) до с. Джантара [2] (нынешнее Львово).

Солнце ярче начищенной меди,
Тонет день в обьятьях жары…
«Вот смотри — говорит — мы едем
Из Карпечи до Джантары».

---

[1] Карпеч (Карпечь, Корпеч) — *тюрк.* «овчарня» (Топонимика Крыма 2010. — Симферополь, 2011, с. 220, 251).

[2] Джантара (Джан-Тора, Джантора) — *крымс.-татарс.* — «господин», «сановник хана», «закон», «право», «обычай» (Топонимика Крыма 2010. — Симферополь, 2010. — С. 196, 231).

Мне бы моря совсем немного
(Выгорает неба сатин)...
«Грязь месил на этих дорогах
Сам ведь Симонов Константин

В 41-ом — вещает Саша —
Он заток этих самых мест...
Сколько здесь безымянных павших,
Что в могилах лежат и без...

— Да-да, Симонов был здесь в качестве военного корреспондента осенью 1941-го — весной 1942. А ты что разве не знал об том? У него ведь есть фронтовые записки о военных событиях в районе Арабатской стрелки, более того — стихотворение «Дожди», относящееся к этому периоду.

Нет, об этом я не знал. Как, впрочем, не помнил и стихотворения, о котором говорил товарищ, хотя поэзию Константина Симонова читал и почитал. И вдруг мной овладело странное чувство. Я как будто совершенно отчётливо стал осознавать, что книга Симонова с дарственной надписью моему отцу, и моё появление на одной из тех многочисленных фронтовых дорог, которыми пришлось пройти известному писателю, находятся в какой-то безусловной взаимосвязи. Точнее сказать — мой приезд в указанный район вдруг показался мне не случайностью, а скорее — закономерностью. Более того, у меня было непреходящее ощущение, что замкнулся некий невидимый логический круг. Скажу, что и сейчас меня не покидает это чувство. Ведь не знал же я, какими дорогами будет меня везти к Арабату товарищ, не ведал, что на них бывал К.Симонов? А Саша в свою очередь ничего не слыхал ранее о хранящейся у меня книге Симонова с дарственной надписью. Когда я ему сказал об этом, он, немного подумав, ответил:
— А знаешь, в этой истории что-то есть!...

...Бывшее село Джантара, а нынешнее Львово (носящее имя генерал-лейтенанта Владимира Николаевича Львова, командующего 51-ой армии Крымского фронта, погибшего 11 мая 1942 года в районе села, на горе Кончи) оказалось пустынным, почти заброшенным. Мы поклонились памятному знаку на месте гибели генерала. Увы, современные мародёры не столь давно похитили фото из овального медальона!

…Вскоре показалась серая лента Сиваша. Дальше — Азовское море. А перед ним, по обе стороны дороги было иное море — красных, точнее алых маков, слегка волнуемое долетающими порывами морского ветра. Азов штормил...

Почему-то подумалось: как пышно растут алые маки на местах боев, будто в них фокусировалась на многие времена кровь убиенных… Сходная картина наблюдается и в окрестностях Севастополя, где проходили ожесточенные сражения.

Вдоль Сиваша темнели доты — поврежденные и целые, один из них находился в воде Гнилого озера. Будучи в пределах видимости друг от друга, они тянулись в сторону от Сиваша на холмы, фиксируя линию обороны… Время замерло, остановилось. И тень былой войны почти закрыла жгучее июньское солнце…

Здесь волн морских гудит набат.
Азов швыряет мотоботы.
Восточный Крым. Степь. Арабат.
Вдоль Сиваша темнеют доты.

Здесь машет тень войны крылом.
Здесь степь в 40-х сгорала.
Здесь столько тысяч полегло —
От рядовых до генерала.

Не потому ль, не потому ль
Так брызжут алой кровью маки…
И чудится здесь пенье пуль,
И тишину рвёт гул атаки…

* * *

Через некоторое время я вернулся в Киев. Просмотрел доступные мне стихи К.Симонова, пытаясь найти стихотворение «Дожди», но, увы, его не обнаружил. Обратился за помощью к могучим ресурсам Интернета, и, в конце концов, мне удалось отыскать это произведение, вначале с купюрами, а затем и целиком.

Константин Симонов

ДОЖДИ

Опять сегодня утром будет
Почтовый самолёт в Москву.
Какие-то другие люди
Летят. А я всё здесь живу.

Могу тебе сказать, что тут
Всё так же холодно и скользко,
Весь день дожди идут, идут,
Как растянувшееся войско.

Всё по колено стало в воду,
Весь мир покрыт водой сплошной,
Такой, как будто бог природу
Прислал сюда на водопой.

Мы только полчаса назад
Вернулись с рекогносцировки,
И наши сапоги висят
У печки, сохнут на верёвке.

И сам сижу у печки, сохну.
Занятье глупое: с утра
Опять поеду и промокну —
В степи ни одного костра.

И на коленях разложив
Бессильные листочки писем,
Гадаешь: жив или не жив,
Как будто мы от них зависим.

Во-первых, чтоб ты знала: мы,
Уж третий день как наступаем,
Железом взрытые холмы
То вновь берём, то оставляем.

Нам в первый день не повезло:
Дождь рухнул с неба, как назло,
Лишь только, кончивши работу,
Замолкли пушки и пехота

Пошла вперёд. А через час
Среди неимоверной, страшной
Воды, увязнувший по башню,
Последний танк отстал от нас.

Есть в неудачном наступленье
Несчастный час, когда оно
Уже остановилось, но —
Войска приведены в движенье.

Ещё не отменён приказ,
И он с жестоким постоянством
В непроходимое пространство,
Как маятник, толкает нас.

Но разве можно знать отсюда —
Вдруг эти наши три версты,
Две взятых кровью высоты
Нужны за двести вёрст, где чудо

Прорыва будет завтра в пять,
Где уж в ракетницах ракеты.
Москва запрошена. Ответа —
Нет. Надо ждать и наступать.

Все свыклись с этой трудной мыслью:
И штаб, и мрачный генерал,
Который, молча, крупной рысью
Поля сраженья объезжал.

Мы выехали с ним верхами
По направленью к Джантаре.
Уже синело за холмами,
И дело близилось к заре.

Над Акмонайскою равниной
Шёл зимний дождь, и всё сильней,
Всё было мокро, даже спины
Понуро несших нас коней.

Однообразная картина
Трёх вёрст, что мы прошли вчера,
В грязи ревущие машины,
Рыдающие трактора.

Воронок чёрные болячки.
Грязь и вода, смерть и вода.
Оборванные провода
И кони в мёртвых позах скачки.

На минном поле вперемежку
Тела то вверх, то вниз лицом,
Как будто смерть в орла и решку
Играла с каждым мертвецом.

А те, что при дороге самой,
Вдруг так похожи на детей,
Что, не поверив в смерть, упрямо
Всё хочется спросить: «Ты чей?»

Как будто их тут не убили,
А ехали из дома в дом
И уронили, и забыли
С дороги подобрать потом.

А дальше мёртвые румыны,
Где в бегстве их застиг снаряд,
Как будто, их толкнули в спину,
В грязи на корточках сидят.

Среди развалин Джантары,
Вдоль южной глиняной ограды,
Как в кегельбане для игры,
Стоят забытые снаряды...

Но словно всё вокруг обман,
Когда глаза закроешь с горя,
Вдруг солью, рыбой сквозь туман
Нет-нет да и потянет с моря.

И снова грязь из-под копыт,
И слух, уж сотый за неделю,
О ком-то, кто вчера убит,
И возглас чей-то: «Неужели?»

Однако мне пора кончать.
Ну что ж, последние приветы,
Пока фельдъегеря печать
Не запечатала пакеты.

Ещё одно. Два дня назад,
Как в детстве подогнувши ноги,
Лежал в кювете у дороги
И ждал, когда нас отбомбят.

Я кажется, тебе писал,
Что под бомбёжкой, свыкшись с нею,
Теперь лежу там, где упал,
И вверх лицом, чтобы виднее.

Так я лежал и в этот раз.
Грязь, прошлогодняя осока,
И бомбы прямо и высоко
И, значит, лягут сзади нас...

Я думал о тебе сначала,
Потом привычно о войне,
Что впереди зениток мало,
Застряли где-то в глубине.

Что танки у села Корпеча
Стоят в грязи, а дождь всё льёт.
Потом я вспомнил нашу встречу
И ссору в прошлый Новый год.

Был глупый день и злые споры,
Но до смешного, как урок,
Я в чём была причина ссоры,
Пытался вспомнить и не мог.

Как мелочно всё было это
Перед лицом большой беды,
Вот этой каторжной воды,
Нас здесь сживающей со света.

Перед лицом того солдата,
Что здесь со мной атаки ждёт
И молча, мокрый хлеб жуёт,
Прикрыв полой ствол автомата.

Нет, в эти долгие минуты
Я, глядя в небо, не желал
Ни обойтись с тобою круто,
Ни попрекнуть тем, что я знал.

Ни укротить и не обидеть,
А ржавый стебель теребя,
Я просто видеть, видеть, видеть
Хотел тебя, тебя, тебя.

Без ссор, без глупой канители,
Что вспомнить стыдно и смешно.
А бомбы не спеша летели,
Как на замедленном кино...

Всё. Даль над серыми полями
С утра затянута дождём,
Бренча тихонько стременами,
Скучают кони под окном.

Сейчас поедем. Коноводы,
Собравшись в кучу у крыльца,
Устало матерят погоду
И курят, курят без конца.

Крым, 1942

Это стихотворение адресовалось второй жене поэта — актрисе Валентине Серовой, о которой впоследствии сам К.Симонов говорил, что она была «*самым большим счастьем в моей жизни… и самым большим горем*». Как известно, именно к ней обращены многие произведения фронтовой ли-

рики Константина Симонова, в том числе — упомянутое уже, знаменитое «Жди меня», написанное в 1941 году, и ставшее после публикации в январе 1942 года в «Правде» чрезвычайно популярным и на фронте, и в тылу.

А вот симоновские «Дожди» долго не публиковались. И это понятно: слишком уж мало в этом стихотворении пафоса, и слишком уж много горькой, ничем не прикрытой правды о войне периода Керченско-Феодосийской десантной операции. Она же, как известно, несмотря на значительное превосходство в живой силе и технике советских войск, по сравнению с немцами на Керченском полуострове, первоначальный успех операции, героизм наших воинов, в силу бездарности и просчётов командования закончилась крупнейшей неудачей: три советские армии были окружены и разбиты к маю 1942 года. Общие потери составили более 300 тыс., около 170 тыс. попало в плен…

Константином Симоновым вовсе не случайно упоминаются пункты Карпечь и Джантара. Именно вблизи них, в условиях чрезвычайно плохой погоды, проходили тяжелейшие бои, в том числе в районе Карпечи с использованием танков с нашей и немецкой стороны. Горели и те, и другие… Это была малая крымская «Прохоровка»…

Не парады и не награды
Не нужны этой горькой земле…
Здесь война совершенно рядом,
А не там — за 70 лет…

2012

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭЗИЯ

Шелестят туманы… **Опубликовано**: Кленовый звон. — Киев, 2004. — С. 7; Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 12; Воспевали тот город поэты… Стихи о Старом Крыме. Поэтическая антология. — Феодосия, 2012. — С. 36.

Старому Крыму. **Опубликовано**: Кленовый звон. — Киев, 2004. — С. 12; Ретроспектива (из стихов 2000-х — 1960-х гг.). — Симферополь: Таврия, 2006. — С. 52; Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 12; Коллективный поэтический сборник «Морские камушки». — Феодосия, 2008. — Вып. 5. — С. 66; Воспевали тот город поэты… Стихи о Старом Крыме. Поэтическая антология. — Феодосия, 2012. — С. 36—37.

Я снова здесь. **Опубликовано**: Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 16; Журнал «Брега Тавриды». — 2009. — № 3. — С. 172—173.

У могилы Грина. **Опубликовано**: Ретроспектива (из стихов 2000-х — 1960-х гг.). — Симферополь: Таврия, 2006. — С. 47; Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 17; Воспевали тот город поэты… Стихи о Старом Крыме. Поэтическая антология. — Феодосия, 2012. — С. 37—38.

Агармыш. **Опубликовано**: Кленовый звон. — Киев, 2004. — С. 24; Ретроспектива (из стихов 2000-х — 1960-х гг.). — Симферополь: Таврия, 2006. — С. 45; Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 32; Коллективный поэтический сборник «Киммерийская орбита». — Феодосия, 2009. — С. 30—31; Коллективный поэтический сборник «Морские камушки». — Феодосия, 2011. — Вып. 6. — С. 30; Воспевали тот город поэты… Стихи о Старом Крыме. Поэтическая антология. — Феодосия, 2012. — С. 38.

Восточные стихи. **Опубликовано**: Ретроспектива (из стихов 2000-х — 1960-х гг.). — Симферополь: Таврия, 2006. — С. 48—50; Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 24—25.

Последний консул. **Опубликовано**: Кленовый звон. — Киев, 2004. — С. 31—33; Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 40—41.

Эллинские мотивы. **Публикуется впервые**.

Я — рожденьем крымчанин. **Опубликовано**: Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 78.

Мой Старый Крым. **Опубликовано**: Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 79—80; Воспевали тот город поэты… Стихи о Старом Крыме. Поэтическая антология. — Феодосия, 2012. — С. 39—40.

Ноктюрн. **Опубликовано**: Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 77; Предвечернее. — Симферополь: Таврия, 2010. — С. 22; Коллективный

поэтический сборник «Киммерийская орбита». — Феодосия, 2009. — С. 30; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 22.

Послелетняя Феодосия. **Опубликовано**: Ретроспектива (из стихов 2000-х — 1960-х гг.). — Симферополь: Таврия, 2006. — С. 3; Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 74; Коллективный поэтический сборник «Киммерийская орбита». — Феодосия, 2009. — С. 28; Феодосии любимой. Коллективный сборник поэзии и прозы. — Феодосия, 2012. — С. 71; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 32.

В Феодосии — дождь. **Опубликовано**: Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 99; Литературно-художественный журнал «Брега Тавриды». — 2009. — № 3. — С. 172; Коллективный поэтический сборник «Киммерийская орбита». — Феодосия, 2009. — С. 29; Предвечернее. — Симферополь: Таврия, 2010. — С. 14—15; Альманах «Поэтическая карта Крыма». — Симферополь, 2010. — Выпуск третий. — С. 382; Феодосии любимой. Коллективный сборник поэзии и прозы. — Феодосия, 2012. — С. 73—74; Журнал «Южная звезда». — 2012. — № 3 (44). — С. 90; Киевская Гринландия. Поэтический альманах. — Киев, 2012. — Вып. 3. — С. 26—27; Планета друзей. Альманах. — Ялта, 2012. — 7 выпуск. — С. 65; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 33; Журнал «День и ночь». — 2013. — № 1. — С. 83.

Вдоль генуэзских древних стен. **Опубликовано**: Коллективный поэтический сборник «Иду вдоль генуэзских стен…». — Феодосия, 2008. — С. 46; Феодосии любимой. Коллективный сборник поэзии и прозы. — Феодосия, 2012. — С. 71—72.

На пирсе осеннем. **Опубликовано**: Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 81.

Урок чистописанья. **Опубликовано**: Ностальгия. — Полтава, 2008. — С. 91.

Памяти Юлии Друниной. **Опубликовано**: Предвечернее. — Симферополь: Таврия, 2010. — С. 37; Воспевали тот город поэты… Стихи о Старом Крыме. Поэтическая антология. — Феодосия, 2012. — С. 40—41; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 27.

В поисках образа и красоты. **Опубликовано**: Предвечернее. — Симферополь: Таврия, 2010. — С. 50.

На малой родине (Май, как будто, стремится…). **Опубликовано**: Воспевали тот город поэты… Стихи о Старом Крыме. Поэтическая антология. — Феодосия, 2012. — С. 41—42; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 28.

Тарханкут. **Опубликовано**: Журнал «Чёрное море». — 2011. — № 1 (12). — С. 61; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 26.

Тарханкутская лагуна. **Опубликовано**: Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 24.

Есть в Феодосии старинной… (А в слове — бесконечна жизнь). **Опубликовано**: Феодосии любимой. Коллективный сборник поэзии и прозы. — Феодосия, 2012. — С. 72—73; Журнал «Ковчег». — 2012. — № 37. — С. 116; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 35.

Орджоникидзе. **Опубликовано**: Журнал «Чёрное море». — 2011. — № 1 (12). — С. 60; Коллективный поэтический сборник «Морские камушки». — Феодосия, 2011. — Вып. 6. — С. 29; Киевская Гринландия. Поэтический альманах. — Киев, 2012. — Вып. 3. — С. 27; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 36.

В дикую бухту Двух Якорей. **Опубликовано**: Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 37.

Сегодня я себе с любовью потакаю… **Опубликовано**: Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 38.

Ты, Цицерон, был прав! **Публикуется впервые**.

О, нет, сентябрь — благословенен. **Опубликовано**: Журнал «Иртышъ-Омь». — 2012. — № 4 (6). — С. 59; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 20.

Вполне холодными глазами. **Публикуется впервые**.

Не парады и не награды… **Опубликовано**: Журнал «Чёрное море». — 2011. — № 1 (12). — С. 61; Журнал «Россияне». — 2012. — № 1. — С. 72; Журнал «Наше поколение». — 2012. — № 6 (июнь). — С. 89; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 41.

Здесь степь в сороковых сгорала… **Опубликовано**: Журнал «Чёрное море». — 2011. — № 1 (12). — С. 60; Журнал «Россияне». — 2012. — № 1. — С. 72; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 42; Журнал «Брега Тавриды». — 2013. — № 5—6. — С. 129.

На руинах Арабатской крепости. **Опубликовано**: Журнал «Чёрное море». — 2011. — № 1 (12). — С. 60; Журнал «Россияне». — 2012. — № 1. — С. 72; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 43; Журнал «День и ночь» — 2013. — С. 84; Журнал «Брега Тавриды». — 2013. — № 5—6. — С. 130.

У могилы Волошина. **Опубликовано**: Киевская Гринландия. Поэтический альманах. — Киев, 2012. — Вып. 3. — С. 27; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 39; Журнал «Брега Тавриды». — 2013. — № 5—6. — С. 129.

Кизил-Таш. **Опубликовано**: Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 40.

Пусть пора — некурортно-сезонная… **Опубликовано**: Феодосии любимой. Коллективный сборник поэзии и прозы. — Феодосия, 2012. — С. 72; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 34.

Брожу я тихим Старым Крымом… **Опубликовано**: Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 27.

Не соловьи — Валерий Ободзинский… **Опубликовано**: Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 102.
И одичавший плод черешни… **Опубликовано**: Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 31; Журнал «Брега Таврида». — 2013. — № 5—6. — С. 128—129.
Лежал в долине древний город… **Опубликовано**: Планета друзей. Альманах. — Ялта, 2012. — 7 выпуск. — С. 64; Но… лампадой горит. — Киев; Полтава: Дивосвіт, 2013. — С. 30; Журнал «Брега Таврида». — 2013. — № 5—6. — С. 128.
Только в Крым. **Публикуется впервые**.
И этот кусака в моём кулаке. **Публикуется впервые**.
А пред глазами Ак-Кая. **Публикуется впервые**.
Крымский август. **Публикуется впервые**.
У Сиваша. **Публикуется впервые**.
На Керченский хочу я полуостров. **Публикуется впервые**.
Старокрымский мотив. **Публикуется впервые**.
Давай, уедем в Евпаторию! **Публикуется впервые**.
Вы, конечно, завидуйте мне . **Публикуется впервые**.
А я лицом окно всё плющу. **Публикуется впервые**.
В Крыму зима не та. **Публикуется впервые**.
Пусть хороши и Мюнхен, и Париж. **Публикуется впервые**.

ПРОЗА

Новеллы

ЦИКЛ «Шестидесятые далёкие года…»

Оксай, Полька и «летучий голландец». **Опубликовано**: Журнал «Склянка часу — Zeitglas». — 2012. — № 63. — С. 123—124; Шестидесятые далёкие года. Ностальгические новеллы // Журнал «Наше поколение». — 2013. — № 1. — С. 28—29.
«Вальтер» и «лимонка». **Опубликовано**: Журнал «Искатель». — 2013. — № 2. — С. 74—80.
Граната для полковника Маринина. **Опубликовано**: Альманах «Скіфія-2012 — літо». — Канів, 2012. — Вип. 2. — С. 13—15; Шестидесятые далёкие года. Ностальгические новеллы // Журнал «Наше поколение». — 2013. — № 1. — С. 29—30.
Время стиляг. **Опубликовано**: Литературно-художественный журнал «Склянка часу — Zeitglas». — 2012. — № 62. — С. 160—162; Шестидесятые далёкие года. Ностальгические новеллы // Журнал «Наше поколение». — 2013. — № 1. — С. 33—35.
Любовь не продаётся! **Опубликовано**: Шестидесятые далёкие года. Ностальгические новеллы // Журнал «Наше поколение». — 2013. —

№ 1. — С. 35—38; Журнал «Склянка часу — Zeitglas». — 2013. — № 65. — С. 135—139.
Уходи! — сказала Наташка. **Опубликовано**: Журнал «Склянка часу — Zeitglas». — 2012. — № 64. — С. 97—100; Шестидесятые далёкие года. Ностальгические новеллы // Журнал «Наше поколение». — 2013. — № 1. — С. 30—33.

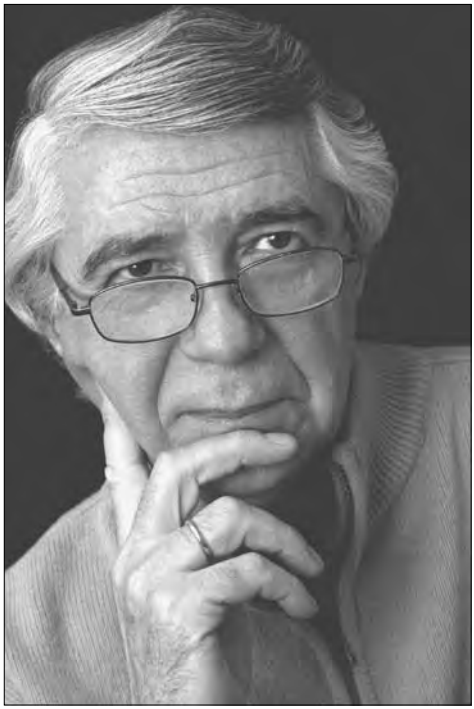
ЦИКЛ «В то лето в экспедиции…»

Лохматый ужас. **Опубликовано**: Журнал «Искатель». — 2012. — № 3. — С. 89—90.
Коварная Пастушка. **Опубликовано**: Журнал «Искатель». — 2012. — № 3. — С. 90—93.
Бег быка. **Опубликовано**: Журнал «Искатель». — 2012. — № 3. — С. 93—95.
Наш дельтоплан. **Опубликовано**: Журнал «Искатель». — 2012. — № 3. — С. 95—96.

Эссе

Он открыл для меня поэта Павла Васильева. Две встречи с Григорием Петниковым. **Опубликовано**: Журнал «Радуга». — 2011. — № 2. — С. 137—142.
Н. Грин. 1927: Об одной книге из библиотеки великого романтика. **Опубликовано**: «Литературная газета + курьер культуры: Крым — Севастополь». — № 2 (125) от 25 января — 7 февраля 2013 г.; Альманах «Вопросы истории, литературы и искусства». — М., 2013. — С. 393—398.
«Танки у села Корпеча стоят в грязи, а дождь всё льёт». **Опубликовано**: Альманах «Литературная Феодосия-2012». — Симферополь, 2012. — С. 150—157.

ОБ АВТОРЕ



СКОРЫЙ Сергей Анатольевич родился в 1949 году в г. Старый Крым (АР Крым). После школы окончил феодосийский политехникум, Таврический национальный университет, аспирантуру при Национальной Академии наук Украины.

Доктор исторических наук, профессор археологии. Автор и соавтор более 280 научных работ, в том числе — 14 монографий, посвящённым различным вопросам археологии раннего железного века Восточной Европы. Руководитель и участник ряда археологических экспедиций в различных регионах Украины.

Член Союзов русских, украинских и белорусских писателей АР Крым, русских писателей Восточного Крыма, Союза писателей России. Поэт. Автор 5 сборников стихов. В последние годы, помимо поэзии, пробует себя в публицистике, прозе, переводах. Публиковался в коллективных сборниках, альманахах, литературно-художественных журналах Украины, России, Молдовы, США.

Почётный гражданин Старого Крыма. Живёт и работает в Киеве и Крыму.

СОДЕРЖАНИЕ

Я опять пришёл на встречу с вами, родины долины и леса... 3

ПОЭЗИЯ

Шелестят туманы... 7
Старому Крыму 8
Я снова здесь 9
У могилы Грина 10
Агармыш 11
Восточные стихи 12
Последний консул 14
Эллинские мотивы 16
Я рожденьем — крымчанин 17
Мой Старый Крым 18
Ноктюрн 20
Послелетняя Феодосия 21
В Феодосии — дождь 22
Вдоль генуэзских древних стен 23
На пирсе осеннем 24
Урок чистописанья 25
Памяти Юлии Друниной 26
В поисках образа и красоты 27
На малой родине 28
Тарханкут 29
Тарханкутская лагуна 30
Есть в Феодосии старинной... 31
Орджоникидзе 32
В дикую бухту Двух Якорей 33
«Сегодня я себе с любовью потакаю...» 34
Ты, Цицерон, был прав! 35
О, нет, сентябрь — благословенен 36
Вполне холодными глазами 37
Не парады и не награды... 38
Здесь степь в сороковых сгорала... 39
На руинах Арабатской крепости 40
У могилы Волошина 41
Кизил-Таш 42
Пусть пора не курортно-сезонная... 43

Брожу я тихим Старым Крымом... 44
Не соловьи — Валерий Ободзинский... 45
И одичавший плод черешни 46
Лежал в долине древний город 47
Только в Крым! 48
И этот кусака в моём кулаке 49
А пред глазами — Ак-Кая 50
Крымский август 51
У Сиваша 52
На Керченский хочу я полуостров 53
Старокрымский мотив 54
«Вы, конечно, завидуйте мне» 55
А я лицом окно всё плющу 56
«В Крыму зима — не та» 57
«Пусть хороши и Мюнхен, и Париж» 58

ПРОЗА

Новеллы 61
ЦИКЛ «Шестидесятые далёкие года...» 61

Оксай, Полька и «летучий голландец» 61
«Вальтер» и «лимонка» 64
Граната для полковника Маринина 70
Время стиляг 73
Любовь — не продаётся! 78
— Уходи! — сказала Наташка 85

ЦИКЛ «В то лето в экспедиции...» 91

Лохматый ужас 91
Коварная Пастушка 94
Бег быка 98
Наш дельтаплан 101

Эссе 103

Он открыл для меня поэта Павла Васильева 103
Н. Грин. 1927: об одной книге из библиотеки великого романтика 111
«...Танки у села Корпеча стоят в грязи, а дождь всё льёт» 117

Примечания 128

Об авторе 133

Літературно-
художнє видання

Сергей СКОРЫЙ

МНЕ В ТАВРИЙСКУЮ ГАВАНЬ…

Крымские мотивы в поэзии и прозе

Мова російська

До книги увійшли поетичні та прозові твори, присвячені кримській тематиці, написані автором протягом тривалого періоду — з 1960-х років по теперішній час. Значна частина з них опублікована в авторських поетичних збірках, а також у журналах, альманахах, антологіях. Разом же вони представлені вперше.

Верстка і художнє
оформлення:
С.А. Горбаненка
Корректор
А.А. Ненада

Підписано до друку 15.06.2014.
Формат 60 × 84/16.
Папір офсетний. Гарнітура шкільна.
Друк офсетний. Ум.-друк. арк. 7,9.
Обл.-вид. арк. 4,3. Тираж 500 прим.
Зам. №

«Видавець Олег Філюк»
07300, м. Вишгород, вул. Дніпровська, 3б, кв. 97
Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України
Серія ДК № 4506 від 18.03.2013 р.
Друк:
ФО-П Поліщук О.В.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2142 від 31.03.2005
07400, м. Бровари, вул. Незалежності, 2, кв. 148.

Сергей СКОРЫЙ.
Мне в Таврийскую гавань… Крымские мотивы в поэзии и прозе. — Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк», 2014. — 136 с.

В книгу вошли поэтические и прозаические произведения, посвящённые крымской тематике, написанные автором на протяжении продолжительного периода — с 1960-х годов по настоящее время. Значительная часть из них публиковалась в авторских поэтических сборниках, а также журналах, альманахах, антологиях. Вместе же они представлены впервые.